А. Черняев
Проект.
Советская политика 1972-1991 гг.- взгляд изнутри

1978 год.

1978 год.

14 января 78 г.

С 25 декабря по 1 января был в «Соснах». Лыжи каждый день, теннис, плавание – все это преодоление себя, почти без удовольствия, исполнение долга перед своим телом и забота о «виде», как главной части «человеческого достоинства».

Леонид Ильич, по-моему в полном маразме. За месяц с лишним его показали в натуре один раз: награждал Суслова, Демичева, Рашидова и др. Вид – полного распада.

Тем не менее на Западе объявлено, что в феврале он будет, наконец, с визитом в ФРГ, и здесь начинается шевеление с бумагами… Но что это будет, если состоится… Если год назад во Франции уже все заметили, что он «не того!» Постыдно, что советских людей ставят в положение китайцев за год до смерти Мао.

Сегодня в газетах «Письмо ЦК, Совмина, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ – о соцсоревновании в 1978 году – это обращение, призывы… работать. На редкость самокритичное и откровенное. Приоткрывается бездна хаоса, безрукости, безразличия, застоя и отсутствие каких бы то ни было реальных стимулов к исправлению положения. Только призывы и увещевания.

На службе. Продолжаем бороться против еврокоммунизма. 27 декабря ЦК по нашей бумаге принял постановление, санкционировав предложенный нами план. Спровоцировали нашу новую инициативу Канапа (лекции об МКД, опубликованные в «Нувель критик» и книга Марше «Поговорим откровенно»). Это по существу более взвешенная, чем у Каррильо платформа еврокоммунизма. Б.Н. рвал и метал, видимо, получив указку сверху. Однако, когда утверждали план на Секретариате, отнеслись к инициативе международного Отдела «довольно спокойно и даже сдержанно»… Теперь никуда-де не уйдешь.

Статью против Аскарате поместили в № 3 «Нового времени» и уже получили оплеуху от «Униты» и югославов.

Мы с Козловым закончили воплощение давней мечты Б.Н.'а – создать (для него) брошюру «Устарел ли марксизм-ленинизм?» Даже публицистично получилось. Но все это, если взять вглубь, жалкое словесное отбрехивание от тех, кто (МКД) хочет, наконец, совсем развязаться с нами, покончить со старым МКД времен Ленина-Сталина-Пономарева, расквитаться с любыми догмами и «принципами», и делать что нравится, ни на кого (тем более на нас) не оглядываясь. Своими попытками удержать разваливающееся мы только ускоряем процесс развала, собственными руками делаем его еще более явным.

В прошлую субботу собирался «наш класс». Последний раз это было в 1968 году. Состоялся отчет каждого о том, что с ним произошло за 40 лет, как мы кончили школу. Слишком все обыденно, скучно и чуждо. И, думаю, кроме Л. Безыменского и Л. Лунгиной (Маркович) ничего общего у меня с ними, с точки зрения способности понять друг друга и интереса друг к другу, нет и быть не может.

21 января 78 г.

Мое участие в подготовке парламентской делегации в США во главе с Пономаревым еще раз окунуло меня в атмосферу нашего бессилия (идейно-экономического) и пропагандистской липы.

Впрочем, были и светлые пятна: маршал Огарков, большой чин КГБ Бобков, которые консультировали делегацию. От их спокойствия и разумной реакции на «атаки империализма» убеждают в правильности нашей политики в сфере разоружения (стратегические переговоры в США) и диссидентских делах.

Кстати, сами по себе оба они умные, интеллигентные и квалифицированные. И это тоже обнадеживает и успокаивает. Но это ведь наши «оборонительные редуты», а в главном – в соревновании с внешним миром, в движении вперед на современном уровне, в решении кричащих проблем экономики и общественных отношений – что здесь? Как будет? Где мы и

на что способны при нынешнем уровне организации, руководства и идеологического состояния (вернее – распада и упадка)?!

Мой разговор с зам. министра внешней торговли и вице-президентом советско-американского экономического Совета В.Н. Сушковым (тоже в порядке подготовки пономаревской делегации). И этот – тоже умный, компетентный, с характером человек, глубоко понимающий свое дело и свои задачи, менеджер высокого класса и, конечно, беспредельный циник, потому что каждый день сталкивается с нашей безрукостью, несостоятельностью, неспособностью быть на уровне требований «борьбы с американским империализмом». В этом Совете – крупнейшие монополистические гиганты (вроде «Дженерал Моторс»)… Я с ними накоротке, - говорит Сушков. Ладно, заявляют они мне, пусть правительство не дает вам кредитов и запрещает это делать госбанкам. Но у нас у самих денег не меньше. Мы вам готовы дать любые кредиты. Назовите десяток хотя бы товаров, которые вы будете нам давать взамен. Пусть они не пойдут на рынках США и Западной Европы…, не важно – ведь мы связаны со всем миром. У нас в «третьем мире» есть просто принудительные рынки. Мы там можем продать что угодно. Но дайте нам их…

И вот, продолжает Сушков, вернулся я в Москву, стал стучаться в разные министерства – нет таких товаров, которые они могли бы дать на экспорт. Для себя не хватает. И горю я в этом самом советско-американском Совете.

Или: мы подписали целый ряд компенсационных контрактов с крупнейшими фирмами, по таким объектам, которые будут выдавать позарез нужную нам продукцию, в том числе военного значения. Фирмы начали разработку документации, уже вложили десятки миллионов долларов в эти сделки. И вот вдруг – при подгоне цифр на 10-ую пятилетку, выясняется, что мы либо замораживаем эти объекты, либо переносим их на 11-ую пятилетку. Скандал. В результате мы больше заплатим по неустойке, чем если бы начали строить. Но у нас нет ни рабочей силы, ни материалов, ни других фондов, чтоб начать эти стройки, для которых мы заключили вышеупомянутые сделки.

Они же все это видят. А потом мы обижаемся, что их большая пресса пишет о застое в нашей экономике, о провале планового хозяйства, о неразрешимых проблемах.

Их цинизм: многонациональные корпорации, входящими в советско-американский Совет, организуют «положительные результаты» опросов общественного мнения США – в пользу развития советско-американских экономических связей… Хорошие деньги они платят всяким Гэллапам за нужный им результат опроса.

<u>22 января 78 г.</u>

Проводил делегацию Пономарева в Америку.

Потом поехал через Внуково сразу в Успенку. Досмотрел 12-ую часть многосерийного фильма «Вечный зов». Фильм хороший. Вчера по совету Карякина прочел статью некоей Семеновой в альманахе «Прометей» о «философе Федорове», удивительном старце, современнике Достоевского и Толстого, «создателя» идеи воскрешения (научного!) всех ранее живших, в этом, доказывает он, смысле, жизни и освоения космоса. Но, конечно, не с этим корреспондирует «Вечный зов», а с попутной идеей Федорова – идеей России, которой предназначено проделать первый опыт собирания людей и народов на огромном пространстве для единой цели – «спасения человечества», цели его существования.

В фильме пространственно дается идея величия и уникальности России: за тысячи километров от Москвы люди объединены мыслью – спасти Москву – ядро и тайный смысл жизни каждого и всех – 1941 год.

<u>27 января 78 г.</u>

Б.Н. в Америке. «Правда» печатает о нем и его речи ежедневно: не каждому в ПБ (кроме Генерального) такое выпадает! Но он добился…

Скандал с падением над Канадой нашего спутника «Космос-954» с ядерным (энергетическим) реактором на борту.

На работе – тишина. Репетиция того, как было бы, если бы не было неуемности Б.Н.'а, а значит, и всякой «теоретической» писанины. Должно быть, 75 % Отдела так живут всю жизнь… Много читаю и думаю, главным образом, – над «еврокоммунизмом», явлением теоретически беспомощным (и в этом его трагедия в будущем, когда дело дойдет до практики), но политически непреодолимом. Рушит он наш авторитет, наше социалистическое лицо (на данном этапе). И ничем это не остановить. Потом мы опять окажемся в силе, но по качеству уже не той.

<u>4 февраля 78 г.</u>

Вчера Б.Н. с парламентской делегацией вернулся из США. Оказалось, что в самих США поездка делегации прошла почти не замеченной, за исключением краткого показа по TV встречи Б.Н. с Картером и кусочек пресс-конференции. Ни одна газета не упомянула даже, что такое «событие» происходит, за вычетом двух злобных (на пару абзацев) комментариев о пресс-конференции по вопросу о «евреях» и «правах человека».

Загладин рассказывает о своей поездке в Будапешт и Прагу. Все дальше они расходятся друг от друга: оголтелость чехов и рисковая мягкость венгров. Последние пошли недавно на то, что разрешили беспошлинный ввоз товаров из 30 развивающихся стран – явное нарушение «конвенции» насчет «нового экономического порядка»… Согласились на режим наибольшего благоприятствования, который им дали США. Громыко и Русаков решили, что это тоже нарушение солидарности и внесли в ПБ предложение сделать через посла вербальный втык. Балмашнов (помощник Пономарева), как полагается по глупому распорядку, просил, чтоб я завизировал эту рассылку (мол, замечаний нет). Но я отказался ставить свою подпись. Будет докладывать Б.Н., но, думаю, тот даже не удостоится выяснить, почему я так поступаю.

<u>10 февраля 78 г.</u>

Всю неделю провел в Серебряном бору, 16. Новая теоретическая дача, которая в промежутках между сочинением на ней партийных текстов используется как гостиница для зарубежных комделегаций.

Скроили основное выступление Б.Н. для Будапешта (около 30-ти страниц) и семь «маленьких речей» (о Ближнем Востоке, об Африканском Роге, о новом международном экономическом порядке, о Юге Африки, о Всемирном конгрессе профсоюзов, о Гаванском фестивале молодежи, о Латинской Америке). И хотя собрал я туда Жилина и четырех консультантов, работа не идет. Устали люди, надоело им это бессмысленное сочинительство речей. Потом – лень и безответственность, порождаемая тем, что официальные репутации в аппарате создаются не «по делам», а по капризам Б.Н.'а, который сознательно поощряет анонимность, чтоб речи для него выглядели как «поручение партии», и который пользуется слухами и доносительством некоторых сотрудников. Политическая бездарность большей части сотрудников Отдела. Справку – пожалуйста, и то не всегда толково сделают. Ну, а политику туда вписывать – это мое и консультантов дело, не говоря уже о превращении справки в текст, удобный для произнесения, который не стыдно было бы дать Пономареву, разбирающемуся в том, что хорошо, а что – плохо. С каждым годом он все больше растет в своих глазах и требует все более высокого качества, хотя в той же пропорции теряет способность думать логично и членораздельно выражать хотя бы то, что ему приходит в голову.

Говорят, ПБ вчера приняло решение о создании вновь Отдела внешнеполитической пропаганды…

26 февраля 78 г.

Сегодня еду в Будапешт. Опять – идеологическо-дидактический треп. Все мои возражения со ссылками на то, что «это уже говорилось на всех предыдущих таких совещаниях» и «что об этом же будет говорить Зимянин» (раньше выступал только Б.Н.), были отвергнуты. Словом, за два дня пришлось сочинить новый вариант… Еще раз пришлось пройтись по «малым речам».

О новом международном экономическом порядке Шахназаров выпросил речь для Русакова и сочинил ее в духе ущемления советского народа, который не ест вдоволь мяса, африканским черным всякая помощь продолжается.

Он подготовил для Русакова еще и такие речи, которые выглядят прямой выволочкой венграм, полякам и др.: зачем они активизируются с Западом в экономических отношениях и поддаются заигрыванию китайцев против нас. Это – для закрытых заседаний, где будет обсуждаться «еврокоммунизм»…

Пошло и глупо, когда «великодержавие» и пустые страхи за «гегемонию» (мол, если мы сами не можем организовать жизненный уровень своего народа, то и вам не позволим это делать)… поддерживаются и формулируются этой, так называемой, партийной интеллигенцией. И не исключаю – инспирируются ею.

Вся прошлая неделя – под знаком эйфории (60-летие Советской Армии) по случаю награждения Брежнева орденом «Победы». Когда ему недавно присвоили генерала, потом маршала, все думали, что это уже Геркулесовы столпы, дальше идти некуда. Обрядили его в мундир. Телевидение целыми днями показывало то акт вручения, то торжественное заседание во Дворце Съездов, где и добрая часть доклада Устинова была посвящена Л.И. и овациям. И в концерте потом апофеозом было воспроизведение на фонообразующем экране сцены опять же акта вручения. В эту же неделю его не раз показывали в связи с визитом Асада. И речи, речи, речи…, произносимые страшным косноязычием на глазах всего народа, который ему и сочувствует, и смеется, и даже возмущается его окружением, не желающим его «остановить». Одну из таких я тоже написал для заседания Президиума Верховного Совета, на котором заслушивался Пономарев о поездке в США. Она была произнесена слово в слово и вот уже третьи сутки, согласно радио и газет, расценивается во всем мире как очередной вклад!

Загладин рассказывал, как он сочинял ответную речь по случаю вручения ордена «Победы» и тост по случаю визита Асада. Кстати, в связи с первой, Л.И. сам звонил Загладину. Спрашивает: «А прилично все это?» Я, говорит Загладин, ответил: мол, вы меня ставите в неловкое положение. Что Вадим ответил на самом деле, известно только одному Брежневу.

Не только шофера такси, но цековские шофера смеются над всем этим, а некоторые вежливо выражают (в виде риторических вопросов – мол, не нарушается ли устав ордена «Победы») свое сомнение.

Ощущение такое, будто живешь в атмосфере густого старческого маразма… и полного презрения к мнению народному.

Еще одна креатура награждена по заслугам – Замятин (директор ТАСС). Сделан зав. отделом. И отдел для него «придуман» сходу, неожиданно для всех членов ПБ. Сам слышал на эту тему телефонный разговор между Б.Н. и Сусловым на другой день после ПБ, где Брежнев предложил создать Отдел международной информации и внешнеполитической пропаганды, и назначить заведующим Замятина. Это награда за ликвидацию с помощью пропаганды «тройки» (Подгорный, Брежнев, Косыгин) и превращении «тройки» в «единицу» (он сам мне хвалился на пляже в «Янтаре») и за сценарий «Жизнь коммуниста».

На Западе, когда узнают об этом Отделе, будут строить всякие концепции о новых замыслах Москвы. На самом же деле, это такая же операция, как назначение Черненко кандидатом в члены ПБ или как замена Катушева Русаковым.

Дочитываю, напечатанный в «Новом мире» удивительный роман-дневник Александра Крона «Бессонница». В свое время руки не дошли, хотя «вся Москва» говорила о нем. Высокого класса психологический портрет столичного советского образа жизни.

4 марта 78 г.

С 26 февраля по 2 марта - Будапешт. Совещание Секретарей ЦК десяти соцстран. Оживления ждали от румын. Оно было. Те же самые вопросы, на первый взгляд те же подходы и та же озабоченность (например, гонкой вооружений). Но все с двойным дном.

Хвалились отменой цензуры, решением национального вопроса, хотя это все чистейшая демагогия и лицемерие: у них по этой части хуже, чем у всех остальных. Причем ребята (из отделов аппарата ЦК КП Румынии), которые сопровождали делегацию, тупо, без объяснений и аргументов настаивали на своем публично. А в кулуарах, когда мы их прижимали, ставя под сомнение их интеллектуальную личную состоятельность, смеясь признавали, что они-то сами так не думают, но у них – «директива»!

Б.Н. развил бурную деятельность и опять измучил своими инициативами: то он должен заключительные абзацы произнести, хотя его об этом никто не просил, то выступить с итоговым заявлением (в качестве очередного председательствующего), хотя это совсем казалось неприличным; то ответную речь на приеме у Кадара ему подготовь; то вдруг задумал дать интервью «Правде» по результатом совещания. Его коллеги – Русаков и Зимянин каждый раз делали квадратные глаза, урчали, но он шел на пролом и всегда добивался своего.

Закрытое заседание по «еврокоммунизму» (без румын и вьетнамцев) – «тайный отъезд» из гостиницы «Геллерт» в партшколу, … через весь город со скоростью 150 км., в сопровождении милицейских машин с сиренами и сквозь шпалеры ошарашенных будапештцев.

Б.Н. опять первый: текст был подготовлен Загладиным и Козловым. Венгры и болгары были близки к нам… Впрочем, мы с Загладиным приняли накануне все замечания (по нашему тексту) венгров (передавал Берец). Наша концепция была скорее посередине между венгерской и болгарской.

Пошлейшим образом (неожиданно для всех) выступил Аксен: империализм – Социнтерн, Брандт-Бжезинский, словеса в адрес КПСС и Брежнева, 60-летия Октября (это на закрытом-то деловом заседании!). Поляк – нуль. Монгол, мудро понимая свое место, - управился в три минуты. Кубинец произнес многословную речь на тему о том, что «так нельзя»: высшая норма интернационализма – это когда один народ проливает кровь за интересы другого. А нам, мол, здесь румыны не позволили даже выразить солидарность с делом революционной Эфиопии. Как мы (т.е. делегация) объясним это в Гаване?! Че Гевара (!) говорил, что мобильность и боеспособность партизанского отряда определяется по самому плохому и безответственному бойцу. Так что же – мы будем равняться на Чаушеску? И т.д. Зачем, мол, нужны такие встречи, где коммунисты не могут говорить откровенно.

Однако гвоздем был Биляк (член президиума ЦК КПЧ): Борис Николаевич, мол, объяснил нам здесь, что вы все поедете на съезд КП Испании… Каррильо и западная пропаганда нас называют марионетками, ставленниками оккупантов, что мы не представляем своего народа и т.д. Поэтому нас (чехословаков) туда не пригласили. Не думаете ли вы, что поехав, вы косвенно присоединитесь к этой характеристике Каррильо и К^{о}?! Мы не можем возражать против вашего решения, но подумайте о нас. Что мы виноваты в том, что приняли вашу интернационалистскую помощь?!

Вопрос поставлен. Но выводов встреча никаких, конечно, не сделала, потому что на таких встречах проблемы не обсуждаются, а излагаются.

Кубинский вопрос также остался без ответа.

А вообще странная ситуация складывается. Чехов сейчас, в связи с 10-летием событий, клюет и попирает весь мир. Мы и тем более другие соцстраны отмалчиваемся. Это для нас не актуально, да и не нужно – «муссировать»… Между тем, вокруг таких людей, как

Биляк и большинство чешского руководства, «стихийно» в партийной среде братских стран складывается климат пренебрежения, если не презрения. И не только по причинам «более общим», но и потому, что в человеческом плане они все убогие, серые, глупые, злые и т.д. В словах Биляка я почувствовал, что они, эти чехи, понимают, в каком они очутились положении даже среди тех, кто их сделал тем, кем они являются.

Перебирая книжные полки, наткнулся на свою статью в № 5 «Новой и новейшей истории» за 1961 год. Она была написана по настоянию покойного академика Губера, тогдашнего главного редактора, который сватал меня на роль зама. Я тогда только что вернулся из Праги. Помнится, тоже покойный Ерусалимский в свойственной ему манере легкой насмешки, встретив на улице, сказал мне: «Говорят, ваша статья подняла вдвое тираж журнала» А Севастьянов (ныне большой деятель Института истории), впрочем, человек подхалимажный (я только что поступил в ЦК), сказал: «Каждую страницу перечитывал по несколько раз, потому что мыслей больше, чем фраз». Вспомнилось все это. Между прочим, я тогда еще не очень опытный был «в составлении тестов». Перечитал его сейчас. Она, действительно, написана лихо. А главное – по сравнению с мыслями и выводами, которые там так густо слеплены, целые тома научной литературы, появившиеся с тех пор, не добавили ничего нового. Даже нынешние еврокоммунисты в общем-то (с точки зрения анализа новых условий революции в их странах) тоже ничего нового не сказали: там уже все это было сказано в поразительно точной (и смелой для того времени) форме. Теперь уже, наверно, так не напишу, не хватит воли.

8 марта 78 г.

Позавчера над Ливией взорвался вертолет, в котором летели Ламберц (член ПБ СЕПГ) и Пауль Марковский (зав. международным отделом СЕПГ), которого я знал лет 15. Это силезец, жизнерадостный, умный, хитрый, открытый к нам, очень способный политически (знает активно пять европейских языков), по-немецки грубовато веселый. Он был другом многих из нас в международных отделах ЦК. Я видел его в последний раз в январе, когда он приезжал с Аксеном по поводу будапештской встречи. Ламберца я знал меньше. Это самый молодой их член ПБ. Но острота известия усилена тем, что всего 4 дня назад я жал ему руку в «Геллерте».

Б.Н. предупреждал Ламберца в Будапеште: «Не надо, мол, так часто летать туда, не безопасно, без вас обойдутся». В Ливии они оказались по пути в Эфиопию, в которой СЕПГ «тесно ангажировалась», помогая главным образом в создании «марксистско-ленинской партии».

Казус Кривогуза в АОН (Академия общественных наук при ЦК КПСС)… «Коминтерн и социал-демократия» на семинаре в Галле, за которым последовала «телега» на уровне Хоннекер-Брежнев. Начался процесс изгнания из АОН с выговором по партийной линии. Дурак есть дурак. Даже Красин (его зав. кафедрой) признал это. И нет спасения. Но каковы фрицы! Подсадили в свое время Бовина, потом «сняли» Рыженко (ректора АОН), который сейчас спивается, теперь Кривогуз! Может быть они совсем одурели от «Шпигелевского» манифеста, и поскольку нет у них выхода, как бегство вперед (еще дальше в «потребительское общество» и, значит, в объятья ФРГ), они стараются показать себя перед Москвой сверхортодоксальными и «верными» по идеологической части?!

16 марта 78 г.

У меня состоялся разговор с Перцовым. Володя Перцов - референт в нашем Отделе. Много лет занимается Испанией, знает ее, что называется, вдоль и поперек. Увлекательно рассказывает о нравах и привычках в разных ее провинциях, о художниках и писателях, о городах и соборах, о франкистах и коммунистах... Он любит эту страну и его там любят. Его лично знают сотни, если не тысячи испанцев самых разных взглядов и состояний. Он широко

пользуется особым отношением в Испании к нам, советским, какое родилось благодаря нашей романтической, пламенной, искренней солидарности с республиканцами во время гражданской войны 1936-39 годов. С Каррильо, Генеральным секретарем компартии Испании, дружен (как и с Долорес Ибаррури, председателем партии, национальной героиней).

И вот, вернувшись в очередной раз из поездки в Испанию, Владимир мне передал свой разговор с Сантяго, предварив замечанием: «Такого в шифровке оттуда не напишешь - не поймут, а то еще и по шее схлопочешь».

«Вы, в Советском Союзе, - говорил Каррильо, - напрасно считаете меня антисоветчиком. Если б я был антисоветчиком, я бы не такое про вас наговорил и написал: ведь у меня в СССР тысячи глаз и ушей, и я знаю про вас все, и не только то, что делается в Москве... [1]Дела у вас идут плохо, все хуже и хуже. А вы их не хотите обсуждать даже внутри, между собой... Вот я написал книгу («Еврокоммунизм и государство»). Писал, можно сказать, дилетантски, некогда было, да и нет школы настоящей в теории. Но книга продиктована назревшими нашими здесь потребностями и задачами. А что вы? Вы глупо обругали книгу, заодно обозвали меня еще раз антисоветчиком! У вас огромное множество ученых, квалифицированных людей, целые институты. Почему бы вам не поспорить со мной, не показать всерьез моих слабостей, не доказать моей неправоты, не дать своих ответов на поставленные там проблемы? Вы этого не делаете. И не делаете потому, что вы боитесь настоящей дискуссии, не хотите ее. Так же, как вы не хотите и не можете всерьез обсуждать свои внутренние проблемы...

И вообще, Володя, - продолжал Каррильо, - невозможно, чтобы такой страной, как ваша, великой, мощной, с таким прошлым, с таким значением для всего человечества, - чтобы такой страной управляли хилые старики, ни на что уже не способные. Был у вас Катушев на подходе, да и того выкинули! Доведете вы свою страну до того, что у вас начнутся «польские», «венгерские» или «чешские» события. Это будет катастрофа. И не только для вас... Для всех нас - тоже! Вот почему мы не можем и не будем молчать. И если вы сами не хотите - с полным и правильным знанием дела - разобраться по-ленински в своих проблемах и заглянуть правде в глаза, то мы обязаны, пусть неумело и неквалифицированно, тыкать вас носом... Предупреждать об опасности, попытаться вызывать в вас тревогу.

Берлингуэр думает так же. Но он итальянец, мягок и дипломатничает с вами. А мы, испанцы, проще, прямее, поэтому и попали у вас в антисоветчики. Признаюсь тебе, что на встрече тройки в Мадриде (я - Марше - Берлингуэр) мы обсуждали то, о чем я тебе сейчас говорю. И все трое были одинакового мнения».

<u>18 марта 78 г.</u>

На работе скучно. Это состояние очень быстро распространяется (какими-то неведомыми путями) на мозговую часть Отдела тогда, когда от Б.Н.'а перестают поступать импульсы, пусть иногда вздорные (стариковские, коминтерновские), но они заставляют что-то выдумывать, ловчить словами, спорить, создавать видимость интенсивной творческой деятельности, у которой КПД по тематике МКД равно почти нулю.

Перестают поступать такие импульсы в моменты, когда его, Пономарева, «смазывают по физиономии» там, наверху. Либо – в силу какого-то обстоятельства, случайного разговора, обсуждения чего-то, прямо связанного с нашими делами, на Секретариате, в ПБ. До него доходит – увы! На короткое время, - что вся его неуемная энергия, как и энергия (если она проявляется) некоторых других – суета. Никто ее ни оценить не может, и не нуждается в ней. Более того, расценивают, как желание выпятить себя, пофигурять на авансцене.

Думаю, что и возвышение Замятина (который уже отнял большой кусок Б.Н.'овского домена – в «борьбе против империализма») – подействовало на старика. В самом деле:

---

[1] Каррильо имел в виду тысячи испанцев, которые были отправлены (многие в детском возрасте) в СССР во время гражданской войны 1936-39 г.

несмотря на его уникальную политическую живучесть и жизнедеятельность, ему ведь 73-ий год.

Словом, он, кажется, сник после Будапешта. И вся наша жизнь сразу переключилась на повседневку. А повседневки, текучки у нас становится все меньше и меньше, так как в комдвижении и национально-освободительном движении мы все меньше и меньше нуждаемся.

19 марта 78 г.

С утра прочел в « Le Monde» статью Дюверже – о том, что и как будет делать ФКП, если левые сегодня победят.

Одновременно читаю брошюру Лукача, написанную в 1924 году вскоре после смерти Ленина. Такого ясного и глубокого изложения сути ленинизма я еще, кажется, не видывал. Будто сделано сейчас, с учетом всего того, что было у нас и у других, и что привело к еврокоммунизму.

Подсунул мне это Б.П. Лихачев из «Коммуниста». Он хочет предложить выдержки из этого в ленинский номер журнала. С венграми уже согласовал. А наши могут поморщиться… Лукач ведь… в 1956 и в 1968 годах он вел себя не наилучшим образом.

25 марта 78 г.

Несколько дней ломали голову, поздравлять или не поздравлять французов с выборами. Зуев (зав. сектором) сразу занял решительную позицию: поздравлять не с чем, они сами не говорят о победе, передрались между собой (с ФСП), да к тому же еще целыми полосами в «Юманите» каждый день долбают нас за лишение гражданства Ростроповича и Вишневской. Я тоже с самого начала для себя решил – не поздравлять (мысленно представляя себе гримасу Канапы: мол, плюй им в морду, а они все равно держат фасон «пролетарского интернационализма»). Б.Н. согласился (по три раза говорили с ним), но не хотел брать на себя. Велел отписать Червоненке (посол) аргументы, побуждая его не настаивать. Тот телеграммами, однако, продолжал по-хохлацки требовать. Тогда оставили все его шифровки без внимания.

Б.Н. правильно рассуждает: не доложим в ЦК, никто там, в верхотуре и не чихнет по поводу французов. Их выборы – до лампочки, как и многое другое. А доложим – начнутся колебания, суждения. Время идет. Сами французы уже «перешли к очередным делам».

Б.Н. издалека (из Крыма) волновался все по поводу приезда группы американских конгрессменов. Едут туристами, но хотят встреч с Брежневым, Громыко, Устиновым, Огарковым и т.п. Шитиков (член Президиума Верховного Совета СССР) и Корниенко (теперь первый зам МИД'а, быстро усвоивший хамскую манеру своего шефа) решили не «лизать жопу» (так Шитиков выразился в разговоре с зав. нашим американским сектором Мостовцом). Не захотели даже посылать наших депутатов встречать американцев в аэропорт, не говоря уж о том, чтоб сопровождать их в Ленинград и Киев. Арбатов мне пожаловался, я – Б.Н.'у. Тот раскипятился. Шитикову я продиктовал, что надо делать и всерьез. Он трепыхался, но подчинился. А Корниенко по поводу «корректив» секретаря ЦК заявил мне: я считаю это совсем ненужным и неправильным, но поскольку я не вижу особых политических (!) причин возражать, я не буду всего этого опрокидывать… Это говорится об «указаниях» Секретаря ЦК! Я перешел на басы. Но дело не в этом: особо приближенные (к Громыко) чувствуют такую крышу над собой, что для них даже верхний эшелон партийного руководства – нуль без палочки.

На аналогичную тему разговор с Здоровым (зав. отделом машиностроения) по поводу посылки нового министра (Беляка) в Англию для изучения машин по производству кормов. Поскольку я тоже должен был подписывать эту командировку и поскольку я знаю и сам видел, что ездят десятки наших высокопоставленных чинов, смотрят, обещают, уезжают, а

через месяц-два туда же приезжают другие, уезжают с тем же. Англичан это сначала удивляло, а потом привело в бешенство. На днях, инструктируя делегацию «Великобритания-СССР», собравшуюся в Москву, один зам. Оуэна (министра иностранных дел) велел им исходить из того, что документы, подписанные в 1975 году «Вильсон-Брежнев» можно считать «мертвой буквой».

Так вот: так как этот Беляк собрался ехать туда же, где в ноябре мы были с Кунаевым, я выразил сомнение. Здоров, с которым мы знакомы лет 20, сказал: «Знаешь что, Анатолий Сергеевич, не выпендривайся. Так было – так будет. И не только в Англии. Ты в курсе, откуда взялся этот новоиспеченный Беляк, министр без министерства? Нет? А я в курсе! И не советую тебе лезть в это дело…»»Взялся» он от Самого…

1 апреля 78 г.

Неделя знаменита тем, что я впервые выступал на Секретариате ЦК по вопросу об эсперанто, который был завален, так как после моей (мало внятной речи) и очень подробной речи Чебрикова (КГБ) встала Круглова (ССОД) и сказала, что «вопрос с ней не согласован и вообще она не согласна с предложением создать ассоциацию эсперанто при ее ведомстве»…

Вообще-то говоря, всем всё надоело и почти никто не в состоянии заставить себя действительно серьезно относиться к делу.

Ибо не делается главное дело страны… А онанизмом никто не хочет заниматься.

Леонид Ильич поехал поездом по Сибири и Дальнему Востоку. Может быть, действительно, чтоб попугать обнаглевших китайцев («неразумных хазаров»), а может быть, чтоб имитировать руководство «главным делом страны». Сопровождает его, помимо Устинова, Замятин, который и снабжает теле, радио, газеты текстами, материализующими культ – вернее повторение хрущевиады в уже абсолютно фарсовом виде. Судя по отчетам Замятина, Брежнев в Кирове, Тюмени, Новосибирске на встрече с обкомами «высказывает указания» (термин из газеты): что весной надо хорошо сеять, что технику надо готовить заблаговременно, и т.п. А первые секретари благодарят за ценные советы. (Но… посмешище в том, что если эти первые секретари сами не догадываются, что надо «хорошо сеять», их давно бы надо прогнать…)

Сегодня (в Красноярске) появилось еще одно культовое выражение «Это вам мой наказ», - сказал Леонид Ильич жителям города.

Программа «Время» на 75 % заполнена вышеуказанной поездкой.

Кажется, уже все Геркулесовы столпы политической пошлости давно пройдены, но каждый новый номер газеты убеждает в наличии неисчерпаемых резервов по этой части.

Тем временем, чем озабочены другие? Брутенц рассказывает: в коммюнике о беседе Кириленко с ливанцами он велел не один, а дважды упомянуть имя. Это – впервые в подобного рода документе (неважно, в каком контексте, важно, что – два раза!). Теперь, предполагает Карэн, это станет нормой.

16 апреля 78 г.

Вчера весь день вкалывал над пономаревским докладом к Хельсинки (конференция Социнтерна по разоружению, куда пригласили американца и нашего. США посылают Леонарда – зам. представителя в ООН, в ранге посла. Мы посылаем Пономарева, кандидата в члены ПБ, секретаря ЦК, председателя Комиссии Верховного Совета и проч.). Случай, действительно, беспрецедентный – представитель верхушки КПСС в Социнтерне! Но многое, как всегда у нас, от показухи. Б.Н.'у хочется наряду с Громыко самому покрасоваться на арене мировой политики. Шапошников подсуетился и вместе с Загладиным подкинули эту идею (поехать в Хельсинки) Б.Н.'у. Он им поручил обтяпать это с Сусловым. Тот согласился, думаю, не особенно вникая. В результате – решение ПБ.

Но оказалось: это произойдет (24-го Б.Н. будет говорить речь) за день до выступления Брежнева на съезде комсомола, где будут провозглашены односторонние сенсационные вещи по сокращению вооружений; за три недели до выступления Громыко на специальной сессии ООН по разоружению; за 10 дней до визита Брежнева в ФРГ, где опять про то же…

Даже намекнуть на то, что будет 25-го в Кремлевском дворце, Б.Н. не может. И после произнесения своего пропагандистского трепа о монбланах вооружений и о чудовищности гонки будет на другой день, когда весь мир зашумит по поводу инициатив Брежнева, выглядеть мальчишкой перед прожженными социал-демократическими политиканами.

Громыко ему тоже не позволит произносить то, что он хотел бы, чтобы у него это выглядело новацией на Генеральной ассамблее ООН. В результате мы (консультанты, сочинители пономаревской речи) выкручиваем себе (под его руководством) мозги, чтобы выдумать что-нибудь этакое.

Во вторник Б.Н. собрал чуть ли не всю консультантскую группу и замов. Наговорил (под стенограмму) около 18 страниц текста. И все это либо запугивание американской (!) гонкой, либо словесно-идеологические «доказательства», что мы хорошие и нас не надо бояться, либо прожектерские, наивные предложения о сотрудничестве с социал-демократами. И все это, повторяю, – для прожженных политиканов, в основном антисоветчиков и антикоммунистов.

Пришлось фактически заново писать текст. Предыдущий вариант был разумней – менее баналeн по аргументации и не так криклив.

Арбатов, который привлечен к написанию в качестве «внешнего советчика», в ужасе от этой пономаревской демагогии. Ну, а мы привыкли, да и деваться некуда. Местами словесность получается даже красивая.

При всем этом сидит на мне Блатов с интервью Брежнева для «Форвартса». Четвертый вариант уже ему преподношу. Он то и дело вызывает… и каждый раз мука адская: то, на чем он настаивал по предыдущему варианту, оказывается, совсем не нужно; то, что отредактировано по его же совету в уже им принятых абзацах, оказывается хуже, раньше было – предпочтительнее…

Разговор идет так: две минуты он нудит (ничего определенного, во всем сомневается, даже в том, что сам предлагает, а если ты усомнишься, то сразу отказывается), пять минут говорит по одному из многочисленных телефонов. В результате «работа» над одним абзацем продолжается иногда по часу, полтора.

Но самое главное – чем он занимается! Стол завален шифровками. Звонит ему, судя по всему, Галя (наперсница-стенографистка), неотступно находящаяся при Л.И., звонит с дачи, как я понял из Завидово. Он ей медленно выдиктовывает кое-что (по его мнению, самое существенное) – minimum minimorum из весьма некоторых телеграмм. Для доклада… если ей удастся улучить момент… Например, он ей сообщает, медленно диктуя: Штоф (премьер ГДР) в тайне от Хоннекера и др. своих коллег сообщает о решении ПБ СЕПГ (принятом без него, Штофа) с предложением к КПСС – отказаться от привилегированных цен, по которым оплачивается пребывание наших войск в ГДР; поднять цены на урановую руду, поставляемую заводом «Висмут» в СССР…

Или: Живков в разговоре с Катушевым обращается с драматическим призывом спасти Болгарию от финансового банкротства. Мол, чтобы расплатиться с Западом по долгам, болгарам надо увеличить годовой экспорт туда на 33 %. Это немыслимо. У советских товарищей, мол, мы знаем, создается впечатление, что болгарское руководство не справляется со своими обязанностями, заваливает экономику и т.д. Пусть, мол, так. Но с нами или без нас (!), - мы, мол, готовы уйти, - но многомиллиардный долг остается, и Болгарии надо помочь.

И сколько таких дел на день! Заключенных в шифровки, из которых докладывается, может быть, сотая часть. А за этим ведь проблемы исторические, судьбы содружества и т.п. Но стоит посмотреть в телевизор, например, Брежнев награждал космонавтов, берет оторопь: состояние его такое, что, кажется, он не может даже понимать, о чем речь, своих собственных слов не слышит, не то, чтобы принимать государственные решения колоссальной важности.

Москвичи в один голос говорят (даже в троллейбусе), что его поездка по Сибири и Дальнему Востоку – чистый телеблеф.

Очень встревожил меня один момент, который ненароком вылез в разговоре с Блатовым. Поскольку мне уже известно, что на съезде комсомола будут важные вещи по разоружению, а интервью будет позже, я спросил, как с этим быть. Блатов начал мямлить: мол, вот разослали по ПБ уже несколько дней назад, реакции пока никакой. Предложения там очень важные, как еще к ним отнесутся…

Что происходит? С каких это пор начинают сомневаться, что кто-то не поддержит предложений, изложенных в тексте, разосланным самим Брежневым??

И тут я смекнул: значит, дело дошло уже до того, что Александров, который является главным автором текста, даже не имел возможности прочитать его, как обычно, вслух самому докладчику. И докладчик, возможно, конкретно и не знает, что́ именно он распорядился разослать по Политбюро к комсомольскому съезду.

Если так, то маразм, значит, вступил в последнюю фазу. И это уже совсем не «лично». Это «общественно».

В 6 часов вечера вместе с Арбатовым и др. встречал в Шереметьево Эгона Бара – в канун визита Брежнева в ФРГ. Бар, вроде был по «научно-теоретической части», а на самом деле, чтоб показать всем, что СДПГ и он лично умеют обделывать с нами дела…

<u>29 апреля 78 г.</u>

Кажется, меня берут в визит Брежнева в ФРГ. Случилось это потому, что Загладин (его страна и партия, и в прошлый раз, в 1973 году он ездил) оказался с 16 апреля в Испании на съезде КПИ. А Вадим до этого то болел, то объезжал Бельгию и Швейцарию. По поводу чего Александров сказал Б.Н.'у: Ваш Загладин либо болеет, либо за границей. Раздражение по этому поводу сыграло свою роль в том, что выбрали меня.

А мне неловко перед Вадимом, да и не хочется: не люблю я участвовать в таких помпезных делах, где чувствуешь себя не в своих санях, униженно.

Работа с Блатовым измотала. Он до остервенения пунктуальный и ответственный человек, потрясающий тугодум (что не означает – не умный, совсем наоборот). Выворачивает наизнанку каждое слово… И эти его жесты, когда он ищет подходящее выражение, - будто дирижирует своим мыслям, медленно ворочающимся извилинам.

Идея всех материалов (беседы со Шмидтом, Брандтом, Шелли Штраусом, Колем, Мисом, Геншером…), интервью для газеты и теле – подтянуть к себе Западную Германию, попытаться добиться того, чтобы в качестве партнера № 1 она избрала нас, а не США. Тогда мир можно считать «сделанным», по крайней мере до 2000 года, пока Китай не станет сверхдержавой. Да и с экономической точки зрения близость с ФРГ – самое надежное дело. Вся Восточная Европа – «между нами двумя».

Кажется, мы искренне хотим дружить с этим своим «самым страшным врагом». И это правильно. Но… мы за близость, за «предпочтительность» по существу ничем не хотим, да и не можем, платить. А их цена высокая: признать единство германской нации.

Они видят нашу «игру» и боятся ее, хотя их что-то тоже завлекает, они понимают, что их великодержавные потенции осуществимы лишь в союзе с нами. С Америкой – никогда. Тут действуют силы, превосходящие даже экономическое соперничество.

Вчера выяснилось, что они начали отруливать от текста Декларации до 2001 года, который согласовал здесь Бар. Вписали в свой «контрпроект» права человека, Западный Берлин, намек на Африканский Рог и т.п. вещи, которые означают – под откос.

Посмотрим… Замах на визит был большой, а сейчас вроде бы дело тает.

Прошел XVIII съезд ВЛКСМ. Целиком и полностью посвящен Брежневу. Апология разматывается небывалым даже при Сталине темпом. Причем, на очень вульгарном для XX века уровне, пошлом.

После «Малой земли» написано еще «Возрождение» - о Днепропетровске после войны. (в № 5 «Нового мира», сегодня начали печатать и центральные газеты). По всей стране идут идеологические конференции, руководимые первыми секретарями республик и городов, об изучении этих произведений, о воспитании в советских людях на материале этих книг разных патриотических и коммунистических качеств, в том числе скромности.

Что касается инициатив по военным вопросам, которые должны были появиться в речи Брежнева на съезде комсомола, то самое главное было вырублено: вывод армейского корпуса и 1000 танков из Чехословакии и ГДР, и определение границ с Китаем по фарватеру рек. Остались опять лишь призывы и заверения, в том числе – что мы не будем производить нейтронной бомбы, если США тоже не будут. На что Картер заявил, что Советскому Союзу и не нужна нейтронная бомба, так как она предназначена для борьбы с превосходством в танках. Тем самым мы только «подставились».

Говорят, что эти «односторонняя» инициатива не прошла через Громыко и Суслова. Устинов вроде бы был «за». Важнее другое: значит, рассылку, сделанную формально Генеральным секретарем (все знали, что помощники не имеют на это право), «по дороге» отредактировали. Утвержден был на Политбюро в присутствии Брежнева подмененный текст, а он даже и не знал, что «рассылал» не тот, а совсем другой.

Пономаревские Хельсинки. Монбланы родили мышь. Шумок кое-какой он, конечно, там произвел. Но ушлые лидеры социал-демократии еще раз убедились, что протяни такому мизинец, он ухватится за всю руку по плечо. И дали вежливо понять – не выйдет. «Правда» печатала оглушительно-победные корреспонденции из Хельсинки, Б.Н. слал оптимистические телеграммы, а из Бонна в это время пришло сообщение, что Бар заявил Фалину (посол) протест: мол, предложения Пономарева для нас неожиданность, они ставят нас в положение склонных к «единому красному фронту», за что ухватятся правые, мы вынуждены будем публично дистанцироваться от КПСС.

Мы с Блатовым, прочтя такое, заложили в памятку для встречи Л.И. с Брандтом успокоительный елей.

<u>8 мая 78 г.</u>

Ездил-таки в ФРГ среди сопровождающих Брежнева.

Брежнев и главное окружение жили в замке «Гимних» – в 35 км. от Бонна, остальные (и я) – в замке «Гахт», в 10 км. от Гимниха.

Моя роль состояла в том, чтобы двадцатистепенная (хотя и обязательная) встреча с руководителями Германской компартии состоялась более или менее гладко, наименее обидно для них, скромных золушек во всем этом предприятии. Это получилось: во-первых, удалось настоять на том, что я поеду в Кельн на митинг ГКП в честь визита. Брежневу об этом даже не докладывали. Блатов неохотно, но согласился, при больших колебаниях Фалина. Там собралось около 2.000 человек. Да и вообще полное неприличие было бы, если бы никто не появился бы на единственном общественном мероприятии в честь визита. Сколько стараний и доброй воли, вопреки собственной выгоде в глазах подавляюще обывательской общественности, было употреблено, чтоб еще раз продемонстрировать свою «преданность»! А на них могли бы даже не оглянуться… Брежнев, например, даже и не заметил, что около 200 человек с плакатами и флагами встречали и приветствовали его возле аэропорта. Это ведь были только коммунисты! Не докладывали ему ничего и о митинге, да он бы и не воспринял ничего этого. Так что я имитировал его личное внимание к ГКП, так же, как Александров и Блатов имитировали на всем протяжении переговоров, что это именно он, Брежнев, эти переговоры ведет, хотя иногда им для этого приходилось довольно неловко, на глазах у немцев, «на ходу» править памятку, которую мог только зачитывать (да и то коряво) Генеральный.

На митинге я лишь приветствовал собравшихся, когда меня представили. Потом в ресторане долго разговаривали с Мисом. Он на мне репетировал, что он скажет на встрече в

Гимнихе. Потом он и я приветствовали пришедших в ресторан артистов Архангельского ансамбля, который выступал после митинга перед той же аудиторией и тоже в честь визита. Я их благодарил за великолепное выполнение «партийного поручения», отметив, что они делают ту же политику, что и Брежнев, только своим способом.

Это общение, как и сам концерт-контакт с немцами были довольно трогательными. Навели на всякие размышления о наших двух народах.

Удалось далее договориться, чтоб не просто Брежнев принял, чтоб от них (кстати, 7 человек) и от нас были те, кто входят в ЦК. Так это и было представлено в коммюнике. Впрочем, инициатива исходила от Александрова и, думаю, сделал он (и провел через Брежнева) не для ради ГКП и, конечно, не «для меня», а потому, что ему надо было, чтоб лишний раз покрасовались в средствах массовой информации министры (члены ЦК) и сам он – не в качестве помощника, а в качестве кандидата в члены ЦК.

Я предупредил Миса еще в Кельне, чтоб он не рассчитывал на содержательную беседу. Это – демонстрация и должна быть по необходимости краткой.

Утром 6-го я вышел на площадку перед замком, чтоб встретить… Но их нет и нет. А я хотел их провести в соседнюю комнату, чтоб они не столкнулись нос к носу со Штраусом, которого Брежнев принимал впритык к приему Миса и К^{о} в ГКП!

Оказалось, что их не пускают в ворота в конце аллеи… Вскоре выяснилось – почему. Брежнев вышел на крыльцо провожать Штрауса! Никто еще не удостаивался такой чести. Мы, стоявшие группой, буквально ахнули. Но дело этим не кончилось. Брежнев под стук прикладов караула спустился вместе со Штраусом по ступенькам и повел его к машине. Вокруг бесновалась свора фото-теле и проч. корреспондентов. В самом деле – сенсация неслыханная. Никто ничего подобного не мог предположить.

Мы посторонились. Брежнев долго и «тепло» прощался со Штраусом (этим «профашистом», как характеризует его уже десяток лет наша печать) и потом пошел назад. Штраус тут же, возле машины, стал давать интервью налево и направо.

Потом я спросил у Александрова: «Это что было – случайность или высшая мудрость?!» Он ехидно посмотрел на меня и сказал: «Просто Леониду Ильичу захотелось выйти на воздух перед встречей с коммунистами!».

Встреча прошла - с точки зрения моей личной заботы ублажить коммунистов - по максимуму (принимая во внимание состояние Генерального и его отношение к этой дополнительной нагрузке). Брежнев зачитал нашу четырехстраничную памятку, куда я успел вписать благодарность за митинг, проведенный коммунистами в Кельне, и за сотни приветствующих «по пути следования».

До зачтения памятки Брежнев пытался шутить, заставляя всех курить… Как-то не очень это получилось. Не все поняли шутку.

Мис более бессвязно, чем мне в Кельне, изложил свои мысли про визит, пытаясь привнести в свою речь побольше восторга и одновременно не переборщить по части преданности, чтоб потом не зацепились за это и власти, и еврокоммунисты. И вдруг он вытащил неожиданную тему: стал хвалить Брежнева за то, что на конференцию Социнтерна в Хельсинки был послан представитель КПСС. Мол, как это важно, что мы вышли на социал-демократическую трибуну, что мы втягиваем социал-демократов в нужные нам дела и т.п.

Брежнев непонятливо поворачивал голову туда сюда, а потом громко спросил у Александрова: «Кто это?!» (Т.е. кто ездил в Хельсинки?) Андрюха ответил: «Пономарев». Реакции не последовало.

Итак, обменялись «речами» и дело вроде бы шло к концу. Но Андрюха решил «оживить». Поскольку Мис затронул тему социал-демократии, он (Александров) подсунул Брежневу какую-то страничку и тот с полуслова стал громко зачитывать. В следующую секунду я понял, что это памятка для Брандта…

Зачитал и остановился… В глазах немцев замешательство: никто ничего не понимает – зачем это произнесено. Тогда влез сам Андрюха и по-немецки (тут же переводя Брежневу) сказал: «Вот эти самые слова Леонид Ильич вчера сказал Брандту!» (Речь шла о том, что, мол,

не хотите сотрудничать со своими коммунистами – не надо, но зачем их травить. Это только на руку реакции).

Это был еще один предметный для меня показатель того, что Леонид Ильич, мягко выражаясь, плохо ориентируется в том, что он говорит и что вообще происходит в каждый данный момент. Думаю, что и эпизод со Штраусом – результат выхода его из под контроля помощников.

Потом я это, к своему ужасу, наблюдал неоднократно, хотя и ожидал нечто подобное.

Особенно стыдно все это было ощущать во время подведения итогов у Шмидта перед подписанием и во время самого подписания. Немцы предвидели и, видимо, знали об «ограниченной дееспособности». Я уж не говорю о газетах и телепередач, которые в основном только тем и занимались, что ловили соответствующие моменты его поведения, малейшие проявления его физической немощи: на трапе самолета, при вставании с дивана, во время приемов, когда он в растерянности шарил глазами вокруг и т.п.

Шмидт (я специально наблюдал за ним) вел себя великолепно. На приеме я сидел в трех шагах от него и от Брежнева и мог видеть все, что происходило. Но, во-первых и в последних, - о речи Шмидта на этом обеде. Сто лет немец так не говорил о Германии и России. Шмидт затмил все слова Брандта, сказанные им в свое время (а во время этого визита вообще оказался на заднем плане и, говорят, очень неудачно повел себя на беседе с Брежневым: завел свою волынку о «Севере-Юге» и страшно надоел собеседнику!).

Так вот – ни улыбкой, ни одним движением лица Шмидт не показал, что он «все видит» и понимает, что Брежнев лишь большая фигура, которая движется по инерции в правильном направлении, хорошо программируемым помощниками и Громыко. Держался он с почтением (хотя и не подобострастно), и это почтение больше даже относилось не к «державе», а к старости и старшинству. Только однажды, кажется, ему изменила внутренняя выдержка: когда Брежневу издатели поднесли книги (его «Биографию» - издательство «Саймон и Шустер»), чтоб он их подарил Шмидту, Шеелю и др…. И Брежнев ставил свою подпись. Долго-долго выводил фамилию. В больших зеленых глазах канцлера за очками на мгновение мелькнула ирония и сочувствие, скорее жалость, снисходительность. Ирония же относилась не только к тому, как Брежнев исполнял свою роль, а и к тому, как его понудили ее исполнять: Фалин до этого подошел, что-то шептал. Потом подошли издатели (по знаку!) с книгами. Брежнев опять не понял, зачем. Фалин опять наклонился и стал громко объяснять (ослаблен слух), протянул руку. И только тогда медленно начался «процесс». А ведь до этого, еще в Москве, а потом в Гимнихе перед приемом, его обо всем этом уведомили и «согласовали».

Та же история – с Венером и Мишняком. Был прокол с самого начала, еще в Москве: их, председателей фракций правящей коалиции в бундестаге, не запланировано было принимать, в отличие от Коля и Штрауса – председателей двух оппозиционно-реакционных партий. Так вот, спохватившись, решили восполнить это здесь «подведением» их к Брежневу «после еды» и после отъезда Шеля и Шмидта. На выходе я оказался у дверей. Брежнев провел до машины канцлера и президента и тут протокольщики стали его тянуть обратно в здание, чтоб он пожал руку Венеру и Мишняку. А он: «Зачем, что мне там делать? Почему я должен возвращаться?» Едва уговорили, хотя буквально за 10 минут до этого Фалин ему все «на ухо» разъяснил, а потом подошел к Венеру (сидевшему рядом со мной) и сказал, где ему надлежит быть…

Самое плачевное было на итогах перед подписанием. Шмидт в элегантной манере, попыхивая трубкой, сказал несколько слов и предложил сначала министрам «доложить» об их переговорах. Громыко исполнил это очень хорошо – увесисто, ясно, только суть, с оценками и определениями и в очень доброжелательной тональности, без всякой бумажки под носом. Геншер был явно слабее, пытался мелочиться. И наоборот – по экономическим делам наш Тихонов (зам. премьера) оказался примитивным и сумбурным, особенно на фоне выступившего за ним графа Ламсдорфа (министра экономики).

Затем Шмидт (и тут он дал промашку, мог бы предвидеть, что поставит нас в неловкое положение) предлагает Брежневу: «Господин Генеральный секретарь, как мы дальше будем? Мы можем сейчас позвать прессу и выступить оба с окончательной оценкой итогов, либо выскажемся сначала без прессы, а потом спустимся к ней и сделаем заявления после подписания?»

Брежнев, в явном замешательстве: «Как хотите»… У него на этот счет не было «памятки».

Шмидт: «Тогда я предлагаю сначала высказаться здесь… Не хотите ли Вы, господин Генеральный секретарь, сказать первым»

Брежнев: «Я хотел бы Вашу оценку услышать».

Шмидт: «Очень хорошо». И начал свободно говорить, оценивая итоги так, как мы в Москве не предполагали. С гораздо большим позитивом. Кончил. Очередь Брежнева. Перед ним памятка, подготовленная нами с Блатовым еще в Москве, кстати, наспех, поскольку весь этот перформанс выяснился буквально накануне отъезда. Но эта памятка была подготовлена для публичного выступления при подписании, перед журналистами!

Когда Шмидт обсуждал вышеупомянутые процедурные вопросы напрямую с Брежневым, я видел в каком ужасе ерзал по стулу Блатов, а Александров, сидевший по другую сторону от Брежнева, метался то к Блатову, то на свое место. Но поправит уже было ничего невозможно.

Брежнев бодро стал читать то, что предназначалось для прессы. Кстати. Это прозвучало неплохо, крупно и «в пандан» Шмидту. Однако, ужас проистекал из другого: что он будет говорить перед прессой?!

Смотрю, Александров что-то лихорадочно пишет. Когда Брежнев кончил, он подскочил, сунул и стал объяснять: громко, ибо иначе не достигнешь цели. Брежнев углубился в записку – корявый Андрюхин подчерк! Я тоже весь съежился от стыда и внутренней паники, хотя меня это вроде бы «лично» не касалось.

Андрюха «на ходу» сочинил памятку для прессы. Несколько фраз. И пытался уговорить Брежнева запомнить ее, не читать, не вынимать из кармана «перед лицом» корреспондентов.

Потом, когда спустились вниз за торжественные столы для подписания, напротив, которые ярусами, как сельди более сотни всяких фото-теле и проч. корреспондентов…

Брежнев произнес «памятку»… из трех фраз, ни одна их них не была закончена (забывал концы), а завершить «выступление» вообще не смог, развел руками. Это видели и в Москве – по телевизору!

Потом улетели в Гамбург. «Боинг-707».

<u>21 мая 78 г.</u>

Еще 8-го мая сначала Блатов, потом Б.Н. предупредили, что надо срочно готовить вместе с МИД проект постановления ПБ об итогах визита. Утром, 9-го, в день Победы я засел за текст. В МИД'е, конечно, ни души. Ковалева нашел, кажется, только на другой день. Он говорит: «такие проекты всегда в ЦК делаются…»

Часа за полтора сочинил текст, который потом, пройдя МИД, Б.Н.'а, Суслова, почти без поправок был принят на ПБ и опубликован в газетах. Впрочем, одна существенная поправка была: Суслов заменил слово «исторический» на «важный политический» визит!!! Сказав при этом Пономареву – мол, вот в Чехословакию будет визит… и что - тоже исторический?? Позавчера по телефону он вроде бы упрекал Б.Н.'а – почему мы везде и всегда употребляем оба титула – «Генеральный секретарь» и «Председатель Президиума Верховного Совета»? Даже, когда речь идет о чисто партийных ситуациях? Не надо. Надо это поправить… Б.Н., конечно, довольный, пытался «объяснять»: мол, вот теперь по всей стране идут обсуждения «Малой земли» и «Возрождения». Но Суслов не принял разъяснений. Да и

какая связь? Впрочем, связь есть: Б.Н., видимо, хотел сказать, что восхваление нашло уже так далеко, что употреблением только одного из титулов все равно ничего не поправишь!

10-11 мая – лихорадочное доделывание материалов к съезду Швейцарской партии труда (ШПТ, коммунистической). А 12-го – на спецсамолете во главе с Капитоновым вылетел в Женеву.

Съезд вполне «еврокоммунистический», только без антисоветских провокаций (не выгодно: пока еще хорошо оплачиваем, в том числе сам съезд). Пойдет ШПТ и дальше за итальянцами и французами. Ничего нового и удивительного я тут не обнаружил.

Однако, был все таки ошарашен уровнем некомпетентности главы делегации. Да какая тут компетентность?! Это просто интеллектуально убогий, серый, безграмотный и к тому же еще очень глупый человек. Что происходит, он так ничего и не понял. Его искренне удивил прохладный прием его персоны на трибуне, когда он читал свою речь и вручал подарок съезду – инкрустированный большой портрет Ленина. (По этому поводу остряк Мюре, член ПБ ШПТ, сказал мне: «Вы что хотите этим портретом остановить процесс отказа от ленинизма?»). Особенно же Капитонов не мог понять, почему не только не устроили бурной овации стоя, когда он произнес абзац, что их съезд лично приветствует Генеральный секретарь, Председатель Президиума…. и т.д. Не раздалось ни одного даже хлопка. После речи, вернувшись на свое место, он все приставал ко мне – почему так произошло…

Он до неприличия перевирал фамилии швейцарских лидеров, с которыми общался целую неделю. Перевирал настолько, что даже языковый барьер не мог этого скрыть от швейцарцев.

После того, как я написал отчет-шифрограмму в ЦК об итогах съезда, он долго мучительно разбирал по слогам мой «анализ» (на 70 % правдивый и критический) и ему он явно не нравился. Но он не мог «сформулировать», что именно не подходит. Помог ему посол, который яростно вмешался, приняв критику ШПТ на свой личный счет. (Он в Швейцарии всего полгода и как же так: было, мол, ничего, а приехал новый посол и стало хуже). Аналогичную мысль он внушал и секретарю ЦК: ведь это же немыслимо, чтобы такая делегация, такой глава у нее – и съезд вдруг «плохой». Он не может быть плохим. ШПТ сразу стала лучше, получив на съезд такую делегацию. В Москве, мол, не поймут, как могло быть иначе.

Капитонов за это ухватился и решительно забраковал мой текст, несмотря на мое яростное сопротивление и все аргументы, вплоть до того: вот, мол, вернемся в Москву и прочитаем, что новый генсек ШПТ Маньен выступил с протестом по поводу суда над диссидентом Орловым. Как мы все будем выглядеть? Не подействовало. В результате шифровка сильно лакировочная, просто фальсификаторская.

Это опасно не только потому, что ложь (дезинформация) на таком политическом уровне сама по себе к добру не ведет. Это опасно и потому, что мы растягиваем, поддерживаем в себе и в друзьях иллюзию, будто КПСС в состоянии пресечь процесс «еврокоммунизации», что ничего особенного не происходит, МКД остается «нашим». Впрочем, когда я уже в Москве завел на эту тему разговор с Б.Н., я не нашел у него поддержки. Но уже – с другого конца. Мол, тут плохо, там плохо, разваливается, скажут, хозяйство Пономарева.

Капитонов, ближайшее окружение – помощник, врач, адъютант, охрана и переводчик – жили в резиденции при ООН, при Мироновой Зое Васильевне (наш представитель в европейской штаб-квартире ООН). Она уговорила Капитонова выступить. Он согласился и предложил мне взять на себя международную часть беседы. Но на другой день передумал. В результате он выступал один перед высококвалифицированными нашими загранчиновниками. Целый час убийственного косноязычия и чудовищного примитива. Из них минут 15 были посвящены «лично Брежневу»…

Стыд был невероятный. Я смотрел на лица (так как сидел в президиуме): смешанная мимика официального почтения, удивления и насмешки.

Вчера, в субботу уже в Москве, пошел в ЦК – из-за писанины, которую Капитонов требует для отчета его перед ПБ.

Однако, там меня застал звонок Александрова. В Ираке вешают коммунистов. Просят вмешательства Брежнева. И начал я сочинять бумаги на эту тему, не будучи совсем в курсе всех этих арабских дел.

Продиктовал идеи – как закреплять и развивать последствия визита Брежнева в ФРГ.

Лев Безыменский с ворохом западногерманских газет по итогам визита. В основном – о болезни Леонида Ильича.

Осужден на 7 лет диссидент Орлов. Во всем мире свистопляска по этому поводу. «Юманите» и «Морнинг стар» уже выступили с решительным и злобным осуждением нашей акции. Б.Н. заметался – надо разъяснять и опровергать. Но он сам чувствует бесполезность этого. Мне говорит: мол, эти суды (!), спросили бы у ЦК, как поступать, а то вот дали на полную катушку, а мы теперь расхлебывай перед МКД и мировой общественностью! Странно!

История с Орловым длится целый год и кампания на Западе по этому поводу тоже давно известна – и что мы будем от этого иметь, догадаться, кому следует, тоже было очень просто...

<u>27 мая 78 г.</u>

На этой неделе отбиваемся от заявлений «братских партий» по поводу суда над Орловым. Сочинены обращения к совести КП Великобритании, КП Бельгии, подписано письмо в «Юманите». Теперь на очереди итальянцы, швейцарцы… Б.Н. приглашал, ходил по кабинету – что делать с МКД? Особенно его заботят французы. Неудержим поток «отказа» от КПСС, исчезновения и истребления любви к родине коммунизма.

<u>4 июня 78 г.</u>

Нарекания в адрес КП Бельгии, написанное красиво (пристыжающе) прошли через ЦК (по делу Орлова). Но втык газете «Юманите» не прошел через Суслова. Позвонил мне Боголюбов (зам. Общего отдела) и говорит (эти люди всегда радуются, если чей либо документ заваливает начальство) в форме выговора: Михаил Андреевич велел вашу эту бумагу положить в архив. И что это вы – одним нотации читаете, других поучаете, третьим головомойку устраиваете. И так в МКД вон что делается. Марше рвет и мечет, а вы…» И т.п. болтовня человека, который вообще по существу ничего не знает.

Я спрашиваю: «Это мнение М.А.?»

- Да, конечно.
- Могу я его передать Пономареву?
- Да, конечно…

Итак, Суслов завернул наш отлуп «Юманите». И это очень хорошо. Только пойдет ли впрок Пономареву?!

Про себя подумал: А что, если это проявление не усталости и безразличия, а настоящей политической мудрости?! Что, если, действительно, мы (ЦК, Суслов) начинают понимать новые реальности и негодность наших прежних отношений с МКД?!

Впрочем, даже если Суслов так думает (а это уже очень много), не все сразу он может.

Б.Н.'у это, конечно, была смазка. Но он быстро утерся. И… заставил, вопреки моим возражениям, в том числе в письменном виде – писать протест на письмо Национального исполкома лейбористов Брежневу (с требованием освободить Орлова). Он побежал с этим к Суслову. Тот не захотел ему, видно, отказать в глаза. Оставил у себя. Б.Н. поспешил мне сообщить, что М.А. «проголосовал». Однако, через час стало известно, что Суслов поставил это письмо на Секретариат – на вторник.

Брутенц объяснил все это так: Суслову не надо «отмечаться» перед начальством… А Б.Н.'у надо все время мельтешить, показывая, что он «принимает все меры», чтобы прекратить бардак в своем хозяйстве. Суслов может позволить себе исходить из существа дела. Пономарев же должен все время оглядываться, упуская при этом из виду суть, здравый политический смысл.

11 июня 78 г.

Встреча с О'Риорданом, который здесь отдыхал. Объяснил ему все про международное положение. Главное: как понимать сессию НАТО в Вашингтоне – как конец «бывшей разрядке» или это только по внутренним соображениям США круто заворачивают на антисоветизм. Объяснил ему также все про ФКП, ИКП, Испанский съезд и т.д.

Вообще говоря, проблема есть: действительно ли происходит поворот или они просто делают «глобальный» вывод из опыта разрядки, вернее из своего наступления на нас на почве разрядки. В самом деле им вместе с коммунистами удалось не только поколебать, но разрушить «образ Советского Союза», как большой доброй и прогрессивной силы, устремленной вперед и всем желающей добра – образ, который стал возникать еще во время войны, а потом возобновляться при Хрущеве и одно время – в начале 70-х годов («Программа мира»). Теперь они хотят перейти в атаку «на подавление», причем вместе с китайцами и восприняв идеологическую словесность китайцев против нас.

Громыко и его МИД, судя в особенности по отчетам с сессии Генеральной ассамблеи, считают, что ничего особенного не происходит. В самом деле – если судить по европейцам, которым американцы уже порядочно надоели и которые имеют теперь большую возможность поднимать хвост, то положение в общем не представляется угрожающим.

Однако, все таки «главную политику» с нами определяют пока американцы. А с ними дела идут все хуже и хуже.

Б.Н. со своим пропагандистским уклоном ума, забил тревогу. Сначала – в нашем кругу. Но этим не ограничился. Проник к Брежневу и «встревожил» его. Тот поручил ему подготовить «текстик» для произнесения на ПБ, где должно было обсуждаться сообщение Громыко о его встречах и вообще о Генассамблее ООН в Нью-Йорке.

Б.Н. призвал меня и просил отредактировать то, что он продиктовал для Брежнева. Там были идеи, которые он сам высказал на совещании с замами и некоторые наши идеи: чтоб Варшавский договор сделал заявление по сессии НАТО, чтоб Огарков дал интервью, чтоб письмо послать Конгрессу США и парламентам Западной Европы, чтоб обратиться к компартиям и к Социнтерну.

С Политбюро Б.Н. пришел сияющий. «Все получилось». Громыко «с его самоуверенным» спокойствием смазали. Брежнев, мол, сказал, что нельзя относиться «пассивно» к тому, что происходит и вроде бы произнес все то, что Б.Н. предложил. Не уверен. На днях получим текст выступления – будет ясно.

В Манеже вторую неделю идет выставка Глазунова. Что делается! Я еще не был. Говорят, с ночи надо стоять. Подробно о ней, не многое поняв, но очень заинтригованный и с восторгом, рассказывал цековский шофер. И от других много слышал: в общем, валит «народ», а не просто ценители и завсегдатаи. Он что-то вроде аналога Евтушенке, только в живописи. Это все таки поразительное явление нашей современной жизни: охота за книгами (колоссальный черный рынок), за неортодоксальной музыкой, переполненность всех выставочных залов, если там хоть намек на оригинальность и т.п. Поиск духовности, что ли? Реакция на бессодержательность и казенную пышность официальной сферы, которая теперь не вызывает даже любопытства. От нее отмахиваются анекдотами – не борются, не протестуют, а именно отмахиваются.

25 июня 78 г.

Прошла статья в «Правде» - «О нынешней политике администрации США». Шум продолжается, но уже с нашей стороны, потому, что американцы начали «откат» (устами Вэнса и самого Картера). Их атака на нас – это было «внутреннее» предприятие. И если бы взяла верх линия Громыко, то мы бы соответственно и отреагировали – на уровне Юрия Жукова. Однако, временно взяла верх алармистская пропагандистская линия Пономарева. А позавчера еще – заявление ТАСС о положении в Африке. Но письмо к братским партиям Б.Н.'у едва, едва удалось пробить. Секретариат отнесся скептически, заставил сократить… Но нахальство Б.Н.'а все таки дало ему возможность хоть частично взять свое: письмо сокращено более, чем на треть. О письме же Брандту, которое мы с Вебером сочинили, теперь и думать нечего.

Была делегация ГКП (Мис, Шредер, Вайс). Официальная встреча проходила в помещении Секретариата ЦК. Суслов на встречу не явился. (Б.Н. мне перед этим говорил: «устает он, не может…»). Присутствовали: Б.Н., Долгих и я. Мис сделал довольно интересный анализ западногерманского общества – особенно о «духовном кризисе»: войны не будет, а безработица из-за НТР и загрязнение среды создают у молодежи вопрос – куда идем? Что с нами будет? Что будет с нашими детьми?…

Б.Н. отвечал обычной своей бодягой, своими пошлыми idees fixes, о которых я слышу (каждый раз как об открытии) уже не первый десяток лет. Стыдно было сидеть и слушать. Он мне напомнил иного серенького референта из Отдела: позовешь его рассказать о ситуации в «его партии», а он начинает тебе плести – когда возникла, да сколько членов, да сколько получила на последних выборах. В общем, потерянное время, потому что, оказывается, много больше знаешь и понимаешь, чем этот эксперт-специалист, который за хорошую зарплату в месяц только этим и занимается.

Очень скучно было немцам слушать подобное на таком уровне. Зато в перерыве «в предбаннике» без начальства дискуссия шла интересная. Увы! Они-то «хорошие» – смолчат, может быть, даже между собой не станут «анализировать» такие встречи в ЦК, а что говорить о других, склонных к «еврокоммунизму», они только утверждаются (после подобных контактов) в теоретической и вообще интеллектуальной импотентности КПСС, в ее неспособности осмыслить огромность и сложность происходящего, проникнуть в суть забот западных коммунистов.

2 июля 78 г.

Был на выставке Глазунова. Впечатление разочаровывающее, даже по сравнению с тем, что ожидал (по рассказам других уже было представление более или менее адекватное). По «философии» – это Солженицын на холсте. Причем, в поразительно откровенной форме. Он – из тех, кто не хочет оставаться непонятным. В центре – «Возвращение блудного сына». Откровенно, я не ожидал, что антисоветский смысл так прямо, в центре Москвы, при тысячных скоплениях народа, может демонстрироваться. Но написана она вульгарно, плакатно, приемами, которые на Западе давно уже заезжены, а у нас – в новинку и эпатируют неискушенную публику. Однако, есть (в рамках той же философии – «что сделала советская власть с прекрасной Россией!») и художественно сильные вещи: «За ваше здоровье!», «Метель», «Лошадь» и слабее, но нахальнее – «Лестница», «Портрет нашей лифтерши».

Все же «былинная» и «историко-иконографическая» Русь (Иваны Грозные, Годуновы, убиенные царевичи, князь Игорь и многочисленные Рублевы) – пошлость невероятная и по исполнению, и по «информативности». А «мысль» здесь та же: это просто иллюстрация к «программным» картинам.

«Знаменитые» портреты – все на один манер, с одинаковыми «глазуновскими» глазами. Иллюстрации к Достоевскому, Лескову, Мельникову-Печерскому – все вторичны или

даже третичны. Да и вообще – ходишь по залам (400 штук все таки) и не покидает ощущение, что ты уже не раз все это видел – и эту манеру, и эти образы, и эти сюжеты, и даже набор тем.

А в целом он сделал большую пощечину минкульту, который умылся и вынужден был всенародно признать, что у нас все возможно, если ты прямо не выходишь на улицу и не кричишь: «Я против советской власти» или, если ты не выставляешь абстракционистскую мазню, (которая, впрочем, абсолютно безвредна, так как никому не понятна, но она шокирует таких «девственниц», как Попов (зам. минкульта) и ему подобных, потому что еще Сталин запретил все это).

Глазунов взял полный реванш за то, что ему тот же Попов не дал выставить на «Кузнецком мосту» свой «XX век».

Я лично не против того, чтоб выставляли что угодно. Но я против того, чтобы «Правда», напечатав в общем хвалебную статью о выставке Глазунова (явно делая вид, что ничего не происходит и засоряя мозги своими вздорными интерпретациями замыслов художника) затыкала рот настоящему обсуждению в других газетах и не только в газетах. Впрочем, это беда более общего порядка. Вчера в «Новом мире» прочитал статейку об отношениях между Пушкиным и Чаадаевым. Там ведь процитирован Александр Сергеевич: нет, мол, в России общественного мнения. Смотря что под этим понимать сейчас, может оно и есть, но как с ним обращаются! Уж в сфере-то художественной, наверно. Можно было бы и открыто поговорить. Ведь с Глазуновым как раз тот случай, когда в угоду Хельсинки официальные власти сознательно прикрывают пошлятину (а Васька слушает, да ест), больше того, - солидаризуются с нею, вводя в полное смятение «публику».

Многотысячные толпы продолжают день и ночь стоять у Манежа. А когда я был (во время «выходного» на выставке, пустили большую группу учителей – участников Всесоюзного съезда, да еще из Совмина экскурсию около 200 человек) – эти провинциальные учительницы ходят от картины к картине с квадратными глазами, добросовестно хотят не верить в то, что видят (так как официально позволено и в «Правде» оценено!) и оказываются в состоянии полной растерянности.

Однако, еще хуже будет, если до верха дойдет (например, какой-нибудь Андрей Михайлович заглянет в Манеж… И начнет ходить дубинка. Не поглядят и на Хельсинки.

9 июля 78 г.

Неделя была значительная. Был Пленум ЦК по сельскому хозяйству. Готовился давно. Должно быть, лет 5-7. Произвел впечатление. Это, думаю, в немалой степени заслуга Карлова (зав. сельскохозяйственным Отделом ЦК) – сильный, спокойный, «от сохи», интеллигентный и смелый мужик. Очень некрасивый, но с выразительным тяжелым и добрым взглядом.

Новация: за два-три дня членам Пленума дали два толстых тома (сборник последних постановлений ЦК по сельскому хозяйству и статистический сборник). Доклад Брежнева продолжался 20 минут – это, собственно, резюме, розданного тут же обширнейшего письменного доклада. Довольно откровенный. Глубинные токи процесса понимаешь, прослушав выступления. Наряду с дежурными, галочными «отчетами-клятвами» были и очень сильные выступления, свидетельствующие о том, что наши обкомовские лидеры – это, действительно, кадры, способные делать большие дела. Некоторые напомнили мне о тех, кто во время войны перевез всю промышленность на Восток, на пустом месте организовал военное производство и превзошел немцев по мощи оружия. Особенно запомнились Горбачев (Ставрополь), Игнатов (Воронеж), одна женщина – секретарь сельского райкома из Волгоградской области…

Самая острая проблема, как я понял, состоит в том, что «перевод сельского хозяйства на промышленную основу», т.е. усиленная механизация и химизация и проч. привели к огромной перекачке тех больших средств, которые вкладывались после мартовского Пленума ЦК 1965 года в сельское хозяйство, обратно в промышленность. Приводились ошеломляющие цифры, когда колхоз, совхоз, район, целая отрасль сельского хозяйства в области, давая

продукции вдвое, втрое больше и, перевыполняя планы на 30-40 %, с каждым годом становились все убыточнее, заканчивали свои годовые балансы с огромным дефицитом и попадали во все большие долги к государству. Потому, что новый трактор, например, производительнее, допустим на 15-20 %, а стоит он вдвое дороже.

Такое же положение с централизованным автотранспортом, удобрениями и проч. «услугами», которые оказывает селу промышленность или, проще, механизированные подразделения, не принадлежащие колхозам непосредственно.

Образовались «новые ножницы» цен. Причем, ни неурожай по природным причинам, ни бедствие какое, ни что другое на доходах тех, кто так «обслуживает» сельское хозяйство, не отражаются. Они из года в год наращивают прибыли. А у колхозов все меньше средств все это оплачивать.

Не только материальные, но и моральные последствия этого – о них редко говорили, не оглядываясь. Все приветствовали повышение закупочных цен с 1 января 1979 года.

Многие требовали сделать это уже сейчас – в июле, с 1 сентября, т.е. под текущий урожай. Но Суслов отнес эти предложения к разряду «несущественных» и под возгласы аппаратного болота, далекого от всякого сельского хозяйства и всякой совести, проголосовал проект резолюции в целом.

Впрочем, тут я только за то, чтоб дали разъяснение членам Пленума: почему то или это невозможно. Объяснить не так уж трудно: металл, уголь, нефть, химия дорожают и т.п. Но на этом фоне было бы виднее и рвачество, и безрукость тех, кто, пользуясь «объективными» причинами, просто обирает сельское хозяйство.

А в отдалении нескольких дней – в атмосфере, в которой я изо дня в день живу (международные дела), отчетливее проглядывается главная причина того, почему эти великолепные люди, которые работают на местах, действительно, «золотой фонд», почему они до сих пор не сумели буквально завалить страну едой и проч. – военные и колоссальные непроизводительные расходы на всякого рода бюрократические звенья.

14 июля 78 г.

Весь Запад обезумел по поводу Щаранского и Гинзбурга. От Картера до французских коммунистов, которые впервые вынесли свой протест против нас «на улицу» и участвовали в массовой антисоветской демонстрации вместе с сионистами, троцкистами, фашистами, социалистами, разными демократическими и антидемократическими организациями. Лозунги: «Гитлер-СССР», «Долой антисемитское государство», «Новый нацизм» и т.п.

Сегодня разговаривал с Бертом Рамельсоном, старый еврей из Винницы, в Англии живет с 1913 года, до последнего съезда был членом Политбюро компартии Великобритании. Мудрый и все знающий, верный наш друг. И заключил он так: «Я то еще в состоянии вас понять, залезть в вашу шкуру. Но убедить у себя простого рабочего парня я уже не могу. Впрочем, и я, как и такой парень, не понимаю вот чего: если, сажая инакомыслящих в тюрьму, вы уверены в своей правоте, то почему вы не пускаете на суд иностранных журналистов? Раз вы этого не делаете, на Западе вам никогда не поверят...»

Он, как и Тюрф (зам. председателя КП Бельгии), с которым мы вместе с Загладиным вели беседы две недели назад, говорит о самом страшном: «Антисоветское мировоззрение массы населения в наших странах - это реальность. Новые поколения не знают и не почувствовали на себе ваших великих исторических заслуг. Интенсивная и умная пропаганда с помощью могущественных современных средств создала в глазах среднего и молодого поколений отталкивающий образ вашей страны. Их даже не коробит сравнение СССР с гитлеровской Германией. Поэтому разгул антисоветчины в связи с преследованием у вас диссидентов легко принимает всеохватывающий, универсальный характер. Никакие ваши аргументы не в состоянии ничего изменить. Прошлый ваш престиж и революционное обаяние у молодежи, ваш подвиг в войне с фашизмом - все это давно сметено, стало древней историей.

Никого этим уже не проймешь и не остановишь. Создан непреодолимый барьер и возврата нет. Рассуждают так: да, пусть у нас, при капитализме, плохо. Но в СССР, хуже, много хуже, и не дай нам Бог такого, как там».

Прочел я в № 6 «Нового мира» сильную и оригинальную статью Александра Панкова – «о любви» в советской литературе последних двух-трех лет.

За последнее время прочитал «Южноамериканский вариант» С. Залыгина в «Нашем современнике» (№1-2, за 1973 год), К. Воробьева «Вот пришел великан» на английском языке, С. Крутилина «Пустошель» в «Дружбе народов», Ф. Искандера «Морской скорпион» в «Нашем современнике» (№ 7-8 за 76 год), В. Тендрякова «Затмение» в «Дружбе народов», М. Рощина «Воспоминание» в «Новом мире» (№ 5-6 за 1977 год).

Сейчас читаю Семенова «Уличные фонари». Очень высокий профессиональный уровень у нашей современной прозы!..

Чтение вот этой литературы – прозы в общем высокого класса вновь и вновь наводит на мысль о все большем отдалении у нас политики от повседневного потока жизни. Там ведь не только ни слова - о «партии и правительстве», «о строительстве коммунизма», «о трудовом энтузиазме», даже о роли властей вообще. Не только ни слова в буквальном смысле. Там это отсутствует по существу. Там нет событий повседневной политической жизни, нет судеб людей в привязке к этим событиям, о которых ежедневно – в печати, по радио, теле, на собраниях и т.д. Прямо, как при Чехове или Куприне: правительство «там» проводило какую-то политику, какая-то история страны складывалась, а литература была сама по себе, она занималась внутренним миром человека и «межличностными», как сейчас бы сказали, отношениями, которые теперь, оказывается, тоже очень далеки от политики и вообще от «официальной» жизни.

Таким образом, что бы ни говорили на Западе о командовании партии в духовной сфере, что бы ни писали в наших информационных средствах, литературный (как и вообще художественный процесс) складывается вновь по своим извечным законам, в общем-то, стихийно. К этому уже привыкли – даже органы, которым положено его «направлять». А они его просто терпят и лишь следят, чтоб там не было открытой антисоветчины.

В службе полное затишье. Вчера встречался с Каштаном (генсек КП Канады). Пыжится он, но нет у него ни партии, ни политики. Полтора месяца он отдыхал (опять же, как у нас в прошлом году – со своим многочисленном в трех поколениях еврейско-антисоветским семейством) сначала в Болгарии, потом в Румынии. Теперь вот неделю у нас (но уже без семейства), а потом поедет во Вьетнам. Мы с Кулышевым (референт) составили большую объективку о его партии. Б.Н. не стал ее читать. Лишнее расстройство. Ему нужна не КП в Канаде, а «верный голос» в МКД. Нам известно, что говорят про него его коллеги (про Каштана): ему бы только «выжить», получая деньги от КПСС, которыми он ни копейкой ни разу не поделился ни с одной парторганизацией своей партии. Но это все так – к слову.

Серьезнее – «Коммунистический университет» в Лондоне, куда по приглашению КПВ мы посылали профессора Коваля (зам. директора Института международного рабочего движения). Позавчера он нам подробно рассказывал об этом, по его оценке, антикоммунистическом и антисоветском университете. В целом подтверждение того, о чем я уже писал: нас не признают соцстраной. И коммунистической партией КПСС не считают. Атмосфера открытой ненависти и враждебности ко всему советскому. Под гром аплодисментов принято предложение об организации публичного международного суда над советским руководством за 1968 год в Чехословакии. Наши «диссиденты» изображаются, как та самая кучка революционеров-интеллигентов, которая, как и во времена Ленина в конце XIX начале XX веков, оторвана от народа и «поэтому их так легко сажают». Надо, мол, помочь им «внести (как учил Ленин!) свои идеи в массы, помочь им добиться поддержки советского народа (в этом интернациональный долг КПВ), чтобы потом можно было всерьез поставить вопрос об «изменении бюрократического режима» в СССР. И т.п.

Удручающая ситуация.

31 августа 78 г.

Были в Москве Уоддис и Кастелло (два члена Политбюро КПВ).

Сценарий получился такой: Кастелло приехал раньше (он был на отдыхе в Болгарии) и Джавад ему все изложил от своего, конечно, имени про рассказ Коваля о Лондонском университете. Тот не лег спать, не дождавшись Уоддиса, и ночью они, запершись, обсуждали ситуацию. На утро Уоддис заявил, что он не пойдет ни в какое ЦК, ни к какому Пономареву, пока не увидится с Черняевым. Я этого ожидал. Примчались они ко мне. Уоддис весь взвинченный, бледный: «Если вы считает меня антисоветчиком, то мне вообще нечего здесь делать. Я немедленно уезжаю»… и в таком духе. В ответ я начал со всяких льстивых заявлений. Мол, тебя не только «вообще», но лично знают в Советском Союзе. Книги твои переводим, встречаемся, когда захочешь, обращаемся за советом по делам МКД. Члены нашего руководства тебя давно знают и высоко ценят и проч. Но… вот факты. Профессору Ковалю не было никакого видимого резона возводить на тебя напраслину. Мы ушам своим не верим. Однако, раз ты заявляешь, что этого не было, что это ложь, то тем лучше. На том и остановимся. Главное, что ты сам решительно отметаешь то, что ты якобы говорил и делал на заседании Лондонского университета.

Он немножко успокоился. Б.Н.'у я, конечно, все это рассказал. Он был доволен: спровоцировали на «признание в любви». И решил ничего «этого» в своей беседе не затрагивать. Действительно, вел дело «мудро». Говорил об ответственности за разрядку, о китайской опасности, о больших проблемах революционного процесса и т.п. Уоддис весь сиял. Он тоже вдарился в глобальные рассуждения, среди которых любопытным был его рефрен: что же будем делать с Китаем? Что можно сделать? Что вы, КПСС, предлагаете? Я смотрел на Уоддиса, он иногда отвечал взглядом и я физически ощущал его страх: вот сейчас, вот сейчас Пономарев заговорит о Лондонском университете и отношении Уоддиса к диссидентам… Но Б.Н. и виду не подал.

Все кончилось мирно. Однако, несмотря на «совпадение» позиций по всем международным вопросам, коммюнике англичане отказались выпускать (скромное, минимальное). Это, мол, похоже на совместное политическое заявление, а мы не уполномочены. Впрочем, проблема коммюнике обсуждалась тоже на моем уровне, не у Б.Н.'а.

Потом был обед на Плотниковом. Около трех часов сидели, пили. И выложили мы с Джавадом все, что думаем о «еврокоммунизме»=антисоветизме и поведении братьев - англичан-коммунистов.

Заключил я, совсем уже разогретый, так: если коммунисты не отказались еще совсем от научного социализма, неужели так трудно понять, что мы (СССР) такие, какими нас создала история, это та самая наша специфика, которой они у себя так дорожат и готовы смотреть сквозь пальцы на китайскую специфику с тысячами публично казненных, но которую не хотят признавать за нами. Нас тоже надо принимать, какие мы есть. Если же не хотите принимать – конец комдвижению. Без нас – оно ничто. А с концом МКД кончается и роль компартии в «любой отдельно взятой стране». Так что, поддаваясь по моральным соображениям антисоветизму, вы подписываете смертный приговор своей партии. Крыть им, в общем, было нечем. Они лепетали вещи, не достойные политических деятелей.

Итак: они, как и многие другие КП Запада, боятся полного разрыва с КПСС, понимая то, о чем я писал выше. Но они не хотят и идентифицировать себя с КПСС, не хотят с ней быть в одной морально-идеологической компании. Это их шокирует.

А шокирует их это потому, что они представляют уже не рабочий класс, которому до лампочки все эти диссиденты, а тот самый средний класс, в который интегрируются общественным мнением и рабочие. Они представляют ту самую в общем-то категорию, которая называется «общественностью» Запада.

Под конец они оба все твердили: здесь мы еще раз убедились, что между нами (КПСС и КПВ) есть проблемы и они еще будут – раз, мол, вы не отступаете от своих позиций и

строите себе иллюзии насчет подлинного отношения к вам со стороны западного рабочего класса.

Я потом (уже в Юрмале) все думал и думал «об итогах этой встречи». И вновь наталкивался на свой старый вывод: нам сейчас в самый раз нужна хорошая доза изоляционализма и от МКД, и от «революционного движения» во всяких Африках. Самое тактически правильное было дать всем им понять, что мы их посылаем на х… Это, впрочем, относится и к международной политике в целом. Через 5-10 лет атмосфера бы коренным образом изменилась. Антисоветизм ведь – от того, что мы всюду суем свой нос – и часто лезем в дело с негодными (или очень заржавелыми) средствами. А нас боятся, нам не верят, и не будут верить, пока мы не «уйдем в себя», и не займемся целиком и полностью собой. Это лучшее, что мы сейчас можем сделать для мирового прогресса, в том числе и для сохранения мира.

И презирать ругающих нас, а не обижаться и гневаться, это недостойно великих.

Кажется, мы начинаем чуть прозревать на эту тему, судя по нашей, ТАСС’овской реакции, на объятия Хуа-Го-фэна с Чаушеску и Тито, о чем я прочел в «Правде» лишь в Юрмале.

<u>3 сентября 78 г.</u>

Кто мы при Брежневе? Об этом долго думал в Юрмале. Попробую сформулировать.

Так вот: я, Загладин и К^{о} – аппаратчики эпохи Хрущева-Брежнева, т.е. люди, которые не в состоянии придумать никаких новых идей. Идеи Хрущева оказались иллюзиями или прожектами. А при Брежневе вообще никаких идей: всего лишь приспособление, медленное и с натугой к меняющейся действительности, внутренней и внешней. Впрочем, в этом, может быть, высшая мудрость для столь неопределенного периода, который даже не назовешь переходным. Наше общество не беременно чем-то новым, даже и зачатия не произошло. Мы едва-едва решаем текущие проблемы. А жизнь развивается в глубину, а не вдаль. Перспективы представляются чисто количественными: больше и лучше качеством. Что за этим – никто теперь уже и не пытается вообразить.

«Вглубь» – это значит усложнение и вместе с тем высвобождение от уз и норм прошлого в межчеловеческих отношениях, бурный духовный рост – при одновременном нравственном и культурном обнищании значительной массы: крайним выражением этого процесса являются пьянство (невиданных еще на Руси масштабов) и хулиганство. А более незаметным, но еще более массовым – социально-политическое безразличие и у молодежи – общественный цинизм.

«Вглубь» можно наблюдать по настоящему расцвету нашей литературы, прозы особенно. По некоторым, действительно, выдающимся фильмам. По неудержимому, продолжающемуся уже ряд лет интересу к чтению, - временами это похоже на какую-то общественную истерию. Причем, это касается отнюдь не только профессионально интеллигентских слоев населения.

Но я отвлекся. Да, мы не носители (и не генераторы) новых идей. По двум причинам: общество не нуждается в таких идеях; нас слишком хорошо учили и мы знаем, что новые идеи это всего лишь перелицованные или вынутые из забвенья старые. В отличие, например, от еврокоммунистов, которые слабо образованы и очень поверхностно знают и историю, и Маркса с Лениным, мы это все знаем на зубок. И когда они сейчас увлеченно строят всякие «новые» теории, нам смешно. Мы все это изучали еще в университете. И убеждены, что эти «новые» теории (если говорить об МКД, к примеру) всего лишь повторение (иногда словесно совпадающее) берштейниад, каутскианства и проч. разных подобных, которые ничего не дали по существу и послужили лишь выживанию оппортунистического прагматизма.

Мы, однако, видим и другое. За этими теориями стоит политика отталкивания от нас, от КПСС, от Советского Союза. Помимо изначальной глупости, присутствующей в этом их стремлении, очевидно и желание нового. Но сами они этого нового не видят. А мы тем более

не можем им ничем на этот счет помочь – ни опытом, ни собственной перспективой, ни новыми идеями, которых у нас тоже нет, ибо для них нет жизненного материала.

На днях прочел книгу Германа Кана, У. Брауна и Мартела «Следующие 200 лет». Реалистическая футурология. Без всяких перехватов… на почве рождающихся или уже имеющихся возможностей. Оптимистическая (отрицают конец света из-за нехватки энергии, сырья, продовольствия, загрязнения среды и проч.). Но – унылая. Сами это признают. Очевидно, перспектива – не утратить способности идти «вглубь». Но опасность большая: снятие напряженности в делах материального благополучия может ликвидировать и потребность в душевном развитии.

Который раз вдруг столбенею перед мыслью, что ничего не понимаю в самых простых вещах, не вижу смысла в простом газетном тексте, не понимаю значения общеизвестных ходовых слов, исчезает связь слов, фраз с реалиями, которые они должны обозначать. Все чаще это случается при чтении заурядных политических текстов. Сегодня такое испытал, когда читал речь Суслова при открытии новой АОН. Это пугает. Какой же ты политический человек, если в твоем сознании исчезает значение символики политических текстов?!

Отчасти это, видимо, и потому, что сами эти политические тексты вырождаются и означают уже совсем не то, что имелось в виду, когда возникал советский политический словарь. Становятся ритуальным «Отче наш»…, в котором имеет значение лишь верность канону, смысл которого (реальный) тоже давно забыт… А если он только для меня стал «забыт»? Если дело, главным образом, в том, что старею?

30 сентября 78 г.

Практически весь сентябрь ничего не писал. На работу вернулся 5-го и сразу пришлось делать два больших дела – преобразовывать проект доклада Пономарева (для Софии) в читабельный материал и бурно готовиться самому к поездке в Бельгию.

С 12 –19 сентября был в Бельгии с делегацией во главе с Воссом (первый секретарь ЦК КП Латвии) на встрече с бельгийской соцпартией.

Самое сильное впечатление произвело то, что, хотя общались на всех уровнях – от председателей БСП и министров до муниципалитетчиков и рядовых функционеров – нигде никто не попрекал нас диссидентами. В то время, как лидеры компартии, с которыми была двухчасовая беседа в их ПБ, вновь поставили этот вопрос, как препятствие для сотрудничества с КПСС, ссылаясь на мнение общественности и рабочего класса страны. Между тем, в БСП – 250 тысяч, в КПБ едва 9 тысяч. Словом, я еще раз убедился, что диссидентская проблема – это организованное орудие борьбы против нас – всякой борьбы, как империалистической, так и коммунистической. Основной же массе людей и действительно национальным силам в капиталистических странах она, эта проблема, - до лампочки.

И еще одно генеральное впечатление от общения с социалистами и коммунистами. Первые заняты делом, они солидная, «необратимая» сила, естественная и неистребимая в своем доме. Вторые – пришей пристебай, суетятся, комплексуют, делают важный вид, выпячивают свою независимость, не будучи никому нужны. И делать им нечего. Запомнился эпизод на посольском приеме: группа членов ПБ КПБ, рассуждения – на уровне пикейных жилетов о глобальной политике, об объединении Германии (угроза!) и т.п.

Может и прав Пономарев, который печется только об ФКП, ИКП, КПИ… ибо они – реальность. Остальные в МКД (может быть, за исключением Японии и Индии) выморочные группки, которые, оторвавшись от пуповины – Москвы, доживают свое последнее поколение.

Трижды – переговоры в Бюро БСП (включая их агитпроп), день в Антверпене, день в Варемме и Ниу. Переговоры в министерствах труда и экономики.

Воскресная поездка в Амстердам… Впрочем, менее впечатляющая, чем в 1972 году, когда мы там были с Горбачевым (Ставропольским).

Из-за Бельгии сорвалась моя поездка в Австралию на съезд СПА. Пономарев решительно воспротивился, как так предстоял софийский доклад. По первому варианту, конечно, отвергнутому им, было много дискуссий после его отпуска и перед поездкой в Афганистан (ездил с тайной миссией – предупредить Тараки, что, если он и дальше будет резать людей, которые делали революцию, то мы от него отвернемся. На нас уже сейчас показывают пальцем, как на виновников массовых репрессий и гнев народа оборачивается против советских специалистов, которых Тараки наприглашал сотнями).

Идеологический его замысел связан с «отпором» книге Коэна и др. «СССР и мы» (вышла только что в Париже, одобрена ПБ ФКП и положена в основу предсъездовской дискуссии в ФКП). Ведь главная идея Софийской конференции показать, что реальный социализм хороший, но с учетом того, что бывшие наши лучшие друзья уже не считают его хорошим, во всяком случае – достаточно хорошим, чтобы с ним солидаризироваться и противостоять той самой вышеупомянутой (в Бельгии) западной общественности. Для нас, исполнителей идеи, задача почти квадратурная: ведь все то, что было написано нашими учеными и публицистами, нашими политиканами о преимуществах реального социализма, теперь не работает. Значит, надо придумать что-то такое или сказать о нем так, чтоб хотя бы прислушались.

Читаю книгу Коэна и др. «СССР и мы». Книга слабее книг Джузеппе Боффы по истории СССР…, но это не антисоветский пасквиль, а приближение к тому пониманию нас (и представлению о нас), которое в общем-то мало чем отличается от того, что мы сами о себе начинали думать и писать после XX съезда и во время XXII съезда. Но в отличие от этого последнего, то, что происходит в головах и в книгах наших «друзей», мы уже не в силах пресечь и повернуть вспять. Так что нам надо приспосабливаться к тому, что о нас думают и кем нас считают. Приспосабливаться в самом широком смысле слова, а не только в плане «идеологической борьбы на мировой арене». Ибо – хоть мы и сами очень большая реальность, а потому и можем навязывать нужное нам представление о себе, продолжатся так долго не может: вокруг растут другие реальности, коих прежними методами не адаптируешь к себе.

8 октября 78 г.

Расул Гамзатов в качестве главы делегации ССОД в Канаду. Беспробудно пьянствовал. Полный шок у хозяев, когда он на приеме в Монреале придвинулся к жене зам. председателя КП Канады Уолша: «Царица, королева, мол, выходи за меня замуж, брось его…, я некрасивый, но богатый. Будет хорошо тебе». – Упал на колени и пополз целовать ей ноги.

То же он проделал со старушкой – женой корреспондента «Правды» Брагина на приеме в Оттаве.

Единственная речь, которую он оказался в состоянии произнести на митинге в Торонто свелась к тому, что вернувшись-де в Москву, он попросит зачислить его в Общество «СССР-Канада». Пикантность в том, что всей Канаде давно известно, что он, Расул Гамзатов, уже много лет – председатель этого Общества.

В Ванкувере на встрече со студентами-славистами он не смог ни строчки припомнить из своих стихотворений. И т.д.

Может быть, правда то, что в свое время рассказывал мне Борис Слуцкий: «Гамзатов целиком дутая фигура. Made by «переводчиками» – Козловским, Гребневым»… Но что-то уж очень правдоподобно.

Встреча с Г. Товстоноговым перед его поездкой в США во главе группы наших видных режиссеров. Я ему «объяснял», как держаться, если разговор зайдет о политике, и в особенности, о правах человека и евреях. Кажется, мы понравились друг другу. В основном я ему советовал быть самим собой. Это, мол, самая лучшая тактика.

Он мне сообщил об эпизоде, который на днях произошел с Малым театром в Ленинграде. Играли пьесу Друцэ о Л.Н. Толстом. По ходу дела кто-то из героев произносит такую фразу: «Русский мужик – трус»… Но это был последний спектакль гастролей… в

присутствии всей ленинградской верхушки во главе с Романовым после триумфальных двух недель с «дифирамбической» прессой.

В ложе произошло движение после упомянутой реплики. А когда начался второй акт, Романов встал в своей «царской ложе» и бросил в ошеломленный зал и актерам на сцене «Нет! Русский мужик – не трус! Вот так!» - и с громом стульями покинул театр…

Что было!

Конечно, все цветы и слова, все чествования по поводу окончания гастролей были отменены.

Сцена, смеется Товстоногов, войдет в историю мирового театра.

Романов, как стало потом известно, велел «разобраться». Кстати, произнес ту фразу из Льва Николаевича не кто иной, как Игорь Ильинский.

29 октября 78 г.

Все чаще и длиннее становятся паузы. Исчезла охота писать. Видно, не хочется повторяться: мысли одни и те же. Да и факты (больше) – те же. Например, Брежнева на торжествах по случаю 60-летия комсомола уже в открытую называют «великим вождем партии и народа». А он сидит – на экране телевизора – жалко и тупо улыбается, не очень, видимо, соображая что к чему, хлопает, когда его превозносят и славословят, оглядываясь при этом на своих коллег в президиуме. Мол, раз они хлопают – так и надо. Всем очевидно, что он не соображает, что произносит по бумажке, надиктованной Александровым по подстрочнику соответствующей организации.

И вообще – празднества, торжества, «личные» поздравления одному, другому, целым организациям, начинаниям, конференциям, и ордена, ордена, ордена…

С 23 –27 октября был в Праге. Рабочая встреча зам. завов отделов ЦК соцстран в рамках ежегодных Совещаний секретарей ЦК. Я и еще четверо.

Я был за главного, поэтому много говорил, хотя на этот раз настоял, чтоб «распределились» и чтоб все члены делегации говорили про свое.

На закрытом заседании (без румын и вьетнамцев) рассказал о визите Берлингуэра и о том, какое значение мы придаем софийской конференции по реальному социализму.

Возили они нас в новый городок под Прагой, район Мельника – Народовице, вырос от крупного химкомбината. Много и хорошо строят: спорткомплекс и зал, бассейн, клуб, жилье. Все модерн. Богато и сыто живут. 86 кг. мяса на чеха в год. Первое место в мире. Штефанек (зам. международного отдела) рассказал, что в ПБ обсуждался вопрос об увеличении потребления мяса еще на 1.5 кг. Но минздрав выступил против – вредно для здоровья нации… А в Польше недавно ввели карточки на мясо и сахар! Вот тебе и интеграция. У нас же 56 кг. мяса на душу. Да и то, должно быть, теоретически.

Прочел «Кафедру» И. Грековой в «Новом мире». Талантлива она… и в стилистике прокладывает путь, впрочем, осваиваемый многими. Когда не сюжет движет повесть или роман и когда даже не характеры (их расстановка и соотношение) придают ему динамику, а когда он лишь сетка, куда писатель укладывает свои размышления и афоризмы. А чтоб он не смотрелся однообразно, произносит их устами разных героев.

Но я не про то. Еще раз убеждаешься в том, о чем я уже писал: литература наша, как и многие виды искусства высвобождается от диктата политики (вернее – политиков) и приобретает свою логику – критического и самостоятельного отражения действительности.

Перед отъездом в Прагу я за неделю вложил в текст Пономарева для Софии много нервов и умения. Переписал (от души) 90 % текста так, что самому уже начинало нравиться. Обсуждали. Б.Н. заметил кое-какие достоинства. А потом понес свою бодягу, как на заведенной магнитофонной ленте, - «новые» идеи о борьбе за мир, которые уже раз по пять опубликованы в его прежних докладах и статьях.

Впрочем, я заметил по его вторжениям в текст, что он не терпит даже технически объективных заслуг Громыко в деле разрядки. Мы это давно знаем. Но как, например, конкретно писать о СОЛТ-2 и всех перипетиях, не упоминая встреч Громыко с Картером, Венсом. Замечаю я, что он все больше старается сводить к минимуму упоминания о Брежневе. Этим и объясняется, думаю, его постоянное стремление показывать нашу борьбу за мир с Декрета о мире, а не за последние 10-15 лет, тем более – не в связи с самыми последними нашими акциями.

30 октября 78 г.

Нижеследующее привожу из сегодняшнего номера «Правды», из очередной пошлой статьи Ю. Жукова, который использует (беспрепятственно) «Правду», как домашнюю поваренную книгу для наспех сваренных соображений по самым различным поводам.

Вот в чем дело. Парижский журнал «Пуэн» поставил «перед собой» вопрос: «Не находимся ли мы у истоков Нового мышления?» Ответам посвящался весь номер широко рекламируемый. Привлечены, как сообщает журнал, «все службы редакции», обозреватель Пьер Бийар обобщил проделанную работу.

Вот кое-что: «французы чувствуют, что идеологии лопаются», происходит «великая перетасовка», и «повсюду как проявление здравого смысла возрождается вкус к практике и искусству возможного»… «Наша запутанная эпоха, наше конвульсивное общество движутся как будто бы к могиле. Нам напевают со всех сторон, что мы живем у последних костров эпохи упадка… Возможно! Ну, а что, если мы, напротив, встречаем зарю новых времен, вступаем в новый этап развития человеческой мысли? Что если это – поворотный момент, когда человечество, уставшее от речей, теорий, лжи, преступлений, войн, тирании, геноцида, порожденных тремя тысячелетиями культа человека и тремя столетиями культа разума, перечеркивает свои заблуждения, перестраивает свой язык и заново моделирует свое мышление?.. Конвульсии или обновление? Это еще надо поглядеть»…

По-видимому, по ту сторону традиционных идеологических границ организуется новое мышление, без табу (запретов) и без предрассудков»… Можно наметить основные направления этого нового мышления, которое прокладывает себе путь. Завтрашний день сулит разочарование, а сегодняшний гнетущ. Ну что ж… остается прошлое, которое надо вновь завоевать и сберечь… Этот возврат к прошлому, эти поиски корней обретают самые разнообразные формы, начиная от публикации множества воспоминаний и свидетельств о былом и кончая подлинным нашествием книг, фильмов, журналов, телепередач, посвященных истории. Это, конечно, происходит не случайно…

Новое мышление предусматривает отказ от «политики» и должен сопровождаться возвратом к религиозному началу в жизни общества.

Юрий Жуков, «золотое перо Правды», заполненное помоями, устроил, конечно, идеологический канкан вокруг этих мыслей. Но спасибо ему за интересные цитаты.

Вчера прочел реферат одного эссе знаменитого сейчас троцкиста Манделя. Вполне ленинская концепция грядущей революции на Западе. Он считает, что именно сейчас (не в 1917, не в 1920, не в 1945 и даже не в 1968 годах) Запад в состоянии повторить схему советской революции. С акцентом именно на роль Советов, двоевластия сначала, а потом – диктатура пролетариата.

И вообще, как говорится: если мы и впредь будем строить отношения с революционными силами Запада на идеологической основе (а мы не можем от этого избавиться), то тогда нам единственная компания – это современные ужасно образованные и умные троцкисты.

Б.Н. мне сегодня говорит: надо еще подумать… мы вот все боимся раскола в ФКП, в ИКП, в МКД… А может быть, нам как раз выгоден раскол… для наших интересов?!

Думаю, что нам ни то, ни другое «не выгодно». И то и другое безразлично к нам. В этом весь ужас нашей изоляции – «военная сверхдержава» и только.

6 ноября 78 г.

Прочел Анатолия Рыбакова «Тяжелый песок». Это – событие, принимая во внимание нашу еврейскую проблему. Он ведь по существу реабилитирует то, что было достигнуто в деле ликвидации антисемитизма и создании интернационалистической атмосферы в обществе – до войны. Настойчиво и «нахально» напоминает об этом. И без всяких намеков (недостойных большого художника) самими фактами бросает упрек тому, что «мы имеем теперь».

Я прочитал книгу с волнением. Дважды прослезился. Во мне это давно сидит – сначала страх, потом ненависть к антисемитизму. Помню, совсем мальчишкой был пионером при «Корешке» (завод такой в Марьиной роще – из окон было видно, дымил и вонял все время гарью цветмета). Году в 1930, может быть в 1932-33… смотрел кино в клубе при заводе. Еще немое. «Каин и Артем» – по Горькому. Запало в душу с тех пор. Это ведь было еще до того, как моими лучшими друзьями стали Лика Гордон, Эся Чериковер, Лилька Маркович, Дезька Кауфман (великий поэт Д. Самойлов), Ликина подруга Нора (кстати, потом партизанившая с Зоей Космодемьянской) – влюблена была в меня безумно, черноокая, узколицая красавица из сверх интеллигентной московской семьи. Поздними вечерами, сопровождаемая Ликой, приходила к дому и бросала камешки в окно моего второго этажа. Телефонов ведь тогда не было… А я избегал ее, стеснялся. «Не отвечал ей взаимностью».

Так вот – до этого всего было это кино, до школы «1-ой Опытной им. Горького».

Фильм заложил в меня неистребимое чувство: русские – большие, они сильные и добрые. Они должны быть такими по отношению к малым и обиженным. А евреев они долго обижали, не они сами, т.е. не все – а кто-то от их имени. И плохие среди них. (Помнится, с каким отвращением и болью я реагировал на пусть шуточные или ироничные «проявления», как бы сейчас сказали, антиеврейских – не скажу антисемитских – настроений у своих родителей!).

Русские большие. И их долг защитить евреев, возместить своей снисходительностью и уступчивостью те обиды, которые им так долго причиняли.

Меня пронзали уличные эпизоды, когда простой русский дядя вступался за еврея, иногда и кулаком. Я помню эпизод из «Братьев» Федина (хотя совсем не помню ничего другого из этого романа), когда русский рабочий, большевик выскочил на улицу с револьвером один и, рискуя жизнью, пытался остановить погромщиков.

На всю жизнь врезались в память слова сапера – еврея из моего полка, который подорвался на мине, расчищая проход для атаки. Я подошел к нему, нагнулся… Он смотрит на меня, даже мимо – в небо и говорит: «Вот, товарищ капитан, был у вас один храбрый еврей в полку и тот теперь п… накрылся». Это было в марте 1945 года. Перед концом войны.

И вот этот роман. Конечно, то, что его выпустили, что-то значит, - в этой вакханалии эмиграции, ненависти, несправедливости к евреям на каждом шагу, когда их ни на работу хорошую не принимали, в вузы не пускали…, когда действует мощная машина сионизма в Америке и Израиле – и вся она пронизана животным антисоветизмом.

Но, думаю, это даже не ласточка по весне. Это просто – либо чтоб избежать очередного мини-скандала на международном уровне, либо, наоборот, чтоб прикрыть реальную нашу политику в отношении евреев. Мы (кто – мы?), должно быть, и сами теперь не рады, что так далеко зашли. И, думаю, можно было после XX съезда сделать так, чтоб Израиль не превратился в нашего смертельного врага. Не просто… Но можно было сделать.

И войну 1967 года не надо было «принимать» на свой счет… Наша забота об арабах – негодная была ставка. Кроме хлопот и дипломатических поражений, кроме впустую затраченных миллионов – ничего мы от этого не имеем.

Возвращаясь к Рыбакову, можно сказать: он сделал хорошее, честное дело. Он сказал нужное слово, которое может нам помочь выпутаться когда-нибудь из нашей «антиеврейской» ситуации и восстановить свое доброе имя – великой и спокойной нации, большого и снисходительного защитника малых – обиженных. А главное – возродить атмосферу интернационализма в общественной нравственности. Исторически сложилось так, что этого невозможно добиться, не покончив с антисемитизмом.

13 ноября 78 г.

Устал за день. Но не могу не записать – больно уж страшные вещи.

Б.Н. собирал депутатов Верховного Совета, которым послезавтра предстоит принимать американских сенаторов во главе с Рибикофф! Приглашены высшие эксперты, в том числе начальник генштаба Огарков. Легко рассказал, как перетягивается с американцами канат по поводу того, сколько допустить ракет на одном бомбардировщике: 25 или 30. Кодировать или не кодировать все параметры пробных пусков ракет и т.п.

Все это Арбатов определил одним словом – «выеб…», в то время как… Он это произнес, зайдя ко мне по окончанию совещания, излить душу…

Брежнев отказывается принимать американских сенаторов. Однако, в эти же дни он будет вести беседы с эфиопом Менгисту. Тут даже не проблема – что важнее, иметь при себе Эфиопию или иметь договор с США по ограничению стратегических вооружений (т.е. хоть какое-то послабление в гонке, уродующей всю нашу экономику и не только ее). Дело еще и в том, что отказываясь принимать сенаторов и одновременно лобызаясь с Менгисту, мы даем такую пощечину американцам, что перспектива договора сразу отскакивает далеко-далеко.

Рассуждаем с Юркой, почему так происходит. Я высказал «предположение»: потому, что Смоленская-Сенная (МИД) сильнее Старой площади (Громыко versa Пономарев)… Но неужели Громыко «не понимает».

- Однако, помимо Громыко есть твой сосед справа (намекаю на Огаркова, который на совещании у Б.Н. сидел рядом с Арбатовым).

- Да, это так. Но все же я думаю тут другое, - показывает на сердце и добавляет, - нутром чувствую, что Громыко специально выеб… на переговорах по СОЛТ, чтоб не допустить поездки Брежнева в США. И сейчас он, другие не хотят его «показывать», поэтому и отменяется встреча с сенаторами.

- Что, очень плох?

- Да, мы были приглашены в четверг (Арбатов и др. сейчас сидят в Серебряном бору, готовят Брежневу речь по экономике на предстоящем 28 ноября Пленуме ЦК). - Очень плох. Прочесть еще что-то может. Но если начнутся вопросы – ответы, то… Впрочем, я мог бы Рибикофф подговорить не лезть в дискуссию…

- Ну, а что там у вас в Серебряном бору? (напоминаю я ему формулу: «выеб…, в то время как…»).

- Плохо. И никто не только не хочет в открытую посмотреть фактам в лицо. Знать ничего не хотят. Все прекрасно. Все превосходно. Одни успехи и достижения. Суслов не захотел даже на ПБ, не то, что на Пленум допустить выкладки, которые мы сделали. А посмотри, что происходит...

По мясу. Ростов-Дон: после вычета на ясли, детсады, на рестораны и т.п. в розничную продажу поступает из расчета 1.5 кг. на человека в год! Есть лучшие районы, но больше 7 кг. на душу в год нигде нет.

Скармливаем около 100 млн. тонн пшеницы скоту. Но, так как даем без соответственных кормовых добавок, 40 % пропадает впустую. А ввозим из США опять же много пшеницы.

120 млрд. рублей на сберкнижках, плюс около 40 млрд. рублей в кубышках. Товарной массой покрывается это на 40 %, да и то, как считают эту массу? - По стоимости продукции! Но ведь значительная ее часть не покупается, а остается на полках.

Выход продолжают искать в повышении цен на товары «неширокого» потребления – на золото, хрусталь, машины и т.п. В результате богатые становятся богаче (потому, что золото, приобретенное сегодня, завтра еще больше дорожает, то же и с машинами и проч.). Усиливается разрыв в благосостоянии, недовольство, раздражение. А главное – ничего эти повышения за последние годы финансам не дали. Ничего не поправили. Кроме того, если в предыдущей пятилетке в общем итоге цены были снижены на 840 млн. рублей, то за 2 года этой пятилетки цены повышены на 1.400 млн. рублей. И это уже все почувствовали.

Если первое увеличение добычи нефти на 120 млн. тонн потребовало 17 млрд. рублей вложений, то дальнейшее увеличение еще на 120 млн. тонн потребовало уже 28 млрд. рублей вложений, а предстоящее увеличение добычи лишь на 40 млн. тонн потребует уже 48 млрд. рублей вложений.

В 1982 году пополнение рабочей силы за счет прироста населения составит лишь 300 тысяч человек – и то, главным образом, за счет Средней Азии.

О качестве, эффективности говорилось на протяжении последних 5-6 лет многократно. Но с места ничего не сдвинулось. И не найден даже механизм решения этой задачи.

Нужна кардинальная перестройка всей структуры, нужно разогнать плановиков и набрать новых, и нужны деньги, т.е. как минимум столько, сколько стоит СОЛТ-2. А мы, как видишь «выеб…» по поводу того, сколько ракет помещать на один самолет, будто иначе завтра США на нас пойдут войной.

18 ноября 78 г.

Чем кончилось событие с Загладиным?[2] Б.Н. мне сообщил, что Суслов ему звонил. Но предлог был – не статья Загладина, а тот факт, что как раз накануне Б.Н. вновь, в третий раз, несмотря на летнее решение Секретариата ЦК «отложить», заставил «Правду» набрать сочиненную по его настоянию статью – «Чего хотят монополии от еврокоммунизма?» – и навязал верстку Суслову, чтоб тот в праздники прочел и «вернулся к вопросу о публикации».

Так вот М.А. и говорит: видишь, мол, несколько фраз Загладина вызвали такую бурю, а ты хочешь – целую статью! И вообще, мол, как это так? Ты (Пономарев) одобрил эту статью? Почему такие вещи выходят без ведома ЦК?

Б.Н. говорит мне: мол, не стал уж совсем подводить Загладина (что он ответил Суслову на самом деле, я так и не понял). Однако, он подложил «нам» (?!) большую свинью.

Свинья, как я понял, состоит не в том, что Загладин обругал «еврокоммунистов», а в том, что он «перебежал дорожку» и сделал невозможным публикацию заветной статьи Пономарева.

И слава Богу! Не было бы счастья, да несчастье помогло!

А что касается – он-де не хотел подставлять совсем Вадима, то, очевидно, ему важнее выглядеть хозяином у себя дома (как это так – без его ведома его первый зам публикует принципиальные вещи в центральном органе ЦК!), чем человеком, допустившим перегиб в критике оппортунистов.

Вчера у нас была отчетно-выборная партконференция всего аппарата ЦК. Все чинно и до отвращения заорганизовано. На доклад и заседание до первого перерыва пришли секретари ЦК во главе с Сусловым. Их приветствовали стоя, как школьники при входе учителя. Когда перечисляли кандидатуры в состав президиума, произнесение фамилии каждого секретаря сопровождалось аплодисментами (по нисходящей: от Суслова до Русакова). Потом, когда пошли «а также», т.е. члены президиума из нас самих, им, естественно, уже не хлопали.

---

[2] Загладин без ведома Пономарева опубликовал статью по поводу книги Коэна «СССР и мы», врезал «еврокоммунистам». И это после того, как только что в Москве был Берлингуэр и обнимался с Брежневым. Загладин – не человек с улицы. И все поняли, что объятия эти – чистое фарисейство, на самом деле ЦК КПСС думает по-загладински.

Каждое упоминание Брежнева в докладе ли, в выступлениях, даже походя, внутри фразы, отмечались аплодисментами.

Сам доклад в основном состоял из общепропагандистского трепа о делах страны в общем и целом.

Тем не менее в прениях были любопытные данные.

Ястребов (зав. Отделом тяжелой индустрии): производим 795 млн. тонн угля, 575 млн. тонн нефти. Западная Сибирь дает 90 % энергетических ресурсов страны. А там из 250 млрд. рублей, отпущенных на жилищное строительство и социальные нужды освоено всего 34 млн. рублей.

Бочков (зав. Отделом легкой промышленности): 11.2 млрд. рублей потеряно государством на уценке товаров.

Симонов: 1/5 времени каждый вагон едет, 4/5 – стоит. За 20 лет железные дороги удлинились на 15 %, а грузооборот увеличился в 4 раза. Незавершонка на железных дорогах – 90 млрд. рублей.

Как бы то ни было все заранее согласовано и «придумано» – кого и сколько от каждого отдела в президиум, кого (некоторых в порядке компенсации) в редакционную комиссию, хотя проект резолюции был заранее напечатан типографски и сброшюрован, и через пять минут после избрания редакционной комиссии роздан все делегатам. Кому поручить что-нибудь огласить (это тоже почетно), кого избрать в новый состав парткома (измененный на две-три персоны из 17-ти).

В общем, этот парад-alle, торжественный и нарочито, открыто формальный. Имеет, очевидно, целью продемонстрировать подавляющий авторитет и мощь партийности (над каждым в отдельности). Характерно, что ни А.М. Александров, ни прочие большие чины аппарата не позволяют себе игнорировать это собрание. Упомянутый А.М. то и дело убегал, но возвращался: в это время шла встреча Брежнева с американскими сенаторами, на которую именно он, Андрюха, уговорил Генсека.

Вообще, что-то в этом есть – в этой теперь уже почти иррациональной по своей сути силе партийности, что-то от большевистской традиции (хотя начинка коренным образом изменилась: такие собрания, как и вся наша парторганизация при ЦК, никакого реального значения для дела не имеет).

19 ноября 78 г.

Вчера по телевидению давали из Останкино концерт Миронова, артист театра Сатиры и кино, сын Мироновой и Менакера. Талантлив необычайно. Разнообразен и умен в общении с публикой. Пластичен, как танцор на льду или балерон. Но дело не в этом, дело в содержании. А содержание вызывающе крамольное, особенно в первой, серьезной части концерта. Цитаты из Островского, Салтыкова-Щедрина, Бомарше, из «Клопа» Маяковского отобраны так, чтоб уже не в подтексте, а прямым текстом – против, казалось бы, незыблемых правил нашего культурно-идеологического и даже всякого другого порядка. Например, из Островского – о том, что молодежь не должна терять надежду быть честной и она, может быть, увидит более справедливое будущее. Из Гоголя: в каждом есть Хлестаков, но опасен он только в атмосфере всеобщего страха. Из Бомарше: писать можешь о чем угодно, если не затрагивать основ государственной политики и определенных лиц, и под наблюдением трех цензоров. И в этом духе. То, что это передается на многомиллионную аудиторию, знаменательно: наши цензоры тоже все более склонны смотреть сквозь пальцы на всё, кроме основ политики и основных их персонажей.

А в «Литературке» тут прочел тоже любопытную (примерно в таком же смысле) статью. Мол, в потоке современной советской прозы все полнее и острее ставятся нравственные проблемы. Хорошее против плохого (в намерениях, действиях, в поведении, в чертах характера). Но, мол, в изображении хороших людей совершенно исчезло во имя чего они хорошие, какие «большие» общественные идеи они представляют, за какие «большие»

цели они борются в конце концов! Т.е. речь идет как раз о том, о чем я, кажется, писал здесь: исчезло из художественной литературы «строительство коммунизма», «руководящая роль партии» и вообще, все те лозунги, с которыми каждый повседневно, с утра до ночи, имеет дело в пропаганде и в политической литературе.

Вчера вечером прочел в дневнике Блока (в связи с его работой в государственной комиссии по расследованию деятельности царских сановников) – 1917 год:

«Старая русская власть делилась на безответственную и ответственную. Вторая несла ответственность только перед первой, а не перед народом.

Такой порядок требовал людей верующих (вера в помазание), мужественных (не раздвоенных) и честных (аксиомы нравственности). С непомерным же развитием России вглубь и вширь он требовал еще все повелительнее – гениальности»

Потрясающе! А главное – сейчас то же самое, все до каждого написанного здесь слова, если только «помазание» заменить «партийностью», верой в ее исключительное призвание вести народ к идеалам коммунизма.

И далее: «Всех этих свойств давно уже не было у носителей власти в России. Верхи мельчали, развращая низы. Все это продолжалось много лет». Слова гения!

25 ноября 78 г.

Прошло заседание ПКК (Политический Консультативный Комитет Варшавского договора). Декларация оказалась (для меня) неожиданно жесткой: классовые термины, формулы времен «холодной войны» – об империалистических агрессорах, реваншистах и проч. Словом, из нашего официально-дипломатического вокабулярия (газетного) такая терминология почти исчезла. А предложения? Собрано вместе все, что выдвигалось нами на протяжении последних двух лет.

По докладу Куликова (маршала) принят закрытый документ о совершенствовании взаимодействия в военной области. Чаушеску отказался его подписать. Мне рассказывали, что он несколько раз брал по этому поводу слово, пытаясь отложить, «перенести на рабочий уровень», «обсудить еще раз» и т.п. Но каждый раз другие (Гусак, Кадар, особенно) его загоняли в угол, заявляя: не хочешь, мол, не подписывай, тебя не неволят, для не подписавших выполнение не обязательно.

По итогам Чаушеску не аплодировал, а – рассказывают – когда ехал потом в машине, материл всех и вся по-румынски, называл жополизами и клял своих советников – зачем они не остановили его и дали подписать Декларацию, которой только подтереться. (Кстати, как это ни парадоксально, именно румыны настаивали на ужесточении формулировок по империализму, видимо, рассчитывая поставить нас – или столкнуть с «мягкими», вроде венгров – в неловкое положение перед США и таким образом сорвать весь документ. А мы взяли да с ходу приняли эти их поправки).

Румыны наотрез отказались упоминать в Декларации о солидарности с Вьетнамом (против Китая) и по Кэмп-Дэвиду.

Принимал министра культуры и зам. председателя партии (правящей) Ямайки – Бернтрама. Высокий негр, с дипломом Оксфорда и проч. Привел посла и секретаршу премьер министра Мэнли. Приезжал, в частности, для того, чтоб наладить межпартийные связи. Много выдал всяких просьб – чтоб мы им помогли в идеологическом воспитании кадров (хотя «мы – не марксисты-ленинцы, не коммунисты!») в образовании и культуре… И особенно его беспокоили наше отношение к двум компартиям (по несколько десятков членов в каждой), который возникали у них на Ямайке.

Ложное мое положение. Организовали его приезд мы – Международный отдел, после того, как я с делегацией побывал у них на съезде. Формально он ехал по линии минкульта, его принимал Демичев, Лапин, Хатунцев и т.д. В ЦК он явился с соответствующим пиететом – как на самую верхотуру. И поставил все вопросы, в том числе и о строительстве посольства, о том, что наш МИД тянет с приглашением Мэнли (две просьбы уже были) и т.д. А что мы,

Международный отдел, Б.Н., что мы тут можем?! Мы постесняемся даже «напомнить» об этом не то, что Громыке, но даже чиновникам МИДа. Наше мнение тут равно нулю.

Сегодня читал в «International Herald Tribune» интервью Арбатова. Они его представляют западному читателю: нечто среднее между Вэнсом и Бжезинским. Делатель политики, главный источник информации для Брежнева, орудие камуфляжа истинных намерений Москвы.

Он ловко вел дело. На днях, забежав и сообщив, что теперь собирается с женой в ФРГ, программа – Шмидт, Вишневский, Брандт, Бар, Апель и т.п. Рассказал, как было трудно 5 часов к ряду «ходить по бревну». И риск, мол, какой!

Однако, ничего особенного он не сказал. И вес сказанного – только от веса его «личности», его «положения», а не от содержания сказанного. Но молодец он! Он действительно делает важное дело, но совсем не так, как это представляют себе американцы.

26 ноября 78 г.

Вчера, будучи на теннисе, встретился на моховой с Романовым – ленинградским (мы с ним году в 1972 ездили в Чили, встречались с Альенде. Он тогда еще не был членом ПБ и был вполне демократ). Так вот, несмотря на то, что «впоследствии», когда он уже стал членом ПБ, он меня в упор не видел – на этот раз он остановился и заговорил будто мы друзья-приятели.

- Как живешь?
- Обычно, работаем!
- ПКК занимался?
- Нет, это – братский отдел.
- А-а-а… Как в Иране дела?
- ?? – нагнул ухо, будто – уличный шум.
- Что в Иране будет? - почти кричит он.
- Не знаю. Наверно, скинут его американцы. Не подходит он им уже…
- Ну, ладно. Приезжай к нам (в Ленинград).
- Спасибо.

… Все это на глазах охранников и адъютантов, которые стояли поодаль, переминаясь с ноги на ногу.

Мне вообще везет на него. Прошлый раз во время Пленума, когда он тоже приехал в Москву, я столкнулся с ним на улице Грановского (в кормушку шел). Но тогда он сделал вид, что не заметил меня.

Может «первым» будет! В России все возможно!

Вчера я вновь заныл по поводу вакханалии в связи с «Целиной» (на конференции с докладами первых секретарей обкомов и ЦК республик, воспоминания героев «Целины», письма читателей и молодежи, изучение в школе, в комсомоле и партийных организациях… и с утра до вечера по всем mass media). Мол, ладно уж в 30-х годах, тогда мы были дети в социальном плане, да и полуграмотные в общем и целом, и верили еще, что все это (про Батю) – ради большой и светлой нашей идеи… А теперь! Когда никто ни во что уже, такое не верит, когда все уже ушлые и знают, что почем и для чего (кого!) делается подобное… Достаточно посмотреть на лица в зале, где происходят восхваления произведений Генерального (на телеэкране), чтобы убедиться, что думают в это время люди…

А они считают, что вот решили потешить старика перед концом, пусть упивается своей значительностью и незаменимостью, своей добротой и огромностью того, что он сделал для народа. Вот таким способом ему и выражают, по существу, некрологические благодарности.

Может и так. Но не очень верится… У нас никогда «столь продуманно» не делаются такие дела. Скорее, это порочная инерция, созданная в приснопамятные времена и создавшая себе подобных людей. Они руководствуются только одним – что угодно готовы сделать, лишь

бы удержаться. Сами создали себе «страх Божий»: никто конкретно уже не является его носителем, но он где-то промежду, и никто не осмелится первый сказать – что же это мы такое делаем?!

А как это развращает, какой вред наносит живым силам общества – это уж абсолютно никого не волнует!

3 декабря 78 г.

Важная неделя. Но притронуться к дневнику так и не случилось.

27 ноября был Пленум ЦК. Обсуждался план на 1979 год. Опять пессимистический Байбаков и оптимистический Гарбузов. Вслед за ними Брежнев. Тревожные кое-какие факты, но округлые и всё те же выводы: давай, давай. Ничего решительного. А плохо, судя по всему и по тому, что мне сообщил Арбатов, сидевший в Серебряном бору над подготовкой Пленума – плохо с металлами, плохо с топливом – нефть, уголь… Плохо с дорогами и особенно с железными дорогами. И совсем никуда – с мясом. И не видно никакого выхода.

Оргвопросы:

Черненко! Идет вверх с космической скоростью. И тут же занял в президиуме место между Брежневым и Кириленко.

Горбачев Михаил Сергеевич – ставропольский первый секретарь сделан секретарем ЦК по сельскому хозяйству (вместо Кулакова)… Это хорошая кандидатура. Я с ним ездил несколько лет назад в Бельгию. Сошлись. Умный, смелый, неординарный, все видит. Озабоченный и преданный делу. Не чиновник. Умеет говорить - от души. Очаровал, помню, бельгийцев. Это хорошо, что такого выдвинули. Моргун (первый секретарь Полтавской области) сообщил потом нам, что Брежнев вызывал «нового секретаря»… И сказал ему только одно: «Займись мясом. Это – твое главное дело. Затем тебя и избрали»…

Шеварднадзе и Тихонов в кандидаты ПБ. Мазуров – сцена выдворения из ПБ. Угнетающее впечатление на всех.

Но перед закрытием Пленума Брежнев вдруг сказал несколько слов благодарности ему «за работу в ПБ». И зал будто с цепи сорвался: минут 10 бурно хлопали… Думаю, не только из чувства справедливости, а помня и о себе: вот также, мол, вкалываешь, вкалываешь, а тебя потом выставят и слова доброго не скажут…

Читаю сенсационную книгу Ксавинова «Двадцать три ступени вниз», о Николае II. Одновременно опять взялся за ежедневное чтение Герцена. Все это вместе дает такую ассоциативную смесь, что в дрожь бросает: ничего в России не меняется, в какой-то самый стержневой линии ее государственного существования. Мелкие, бытовые обиходные аналогии и подробности просто ошеломляют и… угнетают.

10 декабря 78 г.

В «Le Monde» за 2 декабря помещена большая статья двух французских коммунистов, которые требуют «полного» разоблачения СССР, как «сверхдержавы», в которой господствует шовинизм и антисемитизм, которая потопила в крови Венгрию и задушила Чехословакию, в которой нет никакой демократии, а существует диктатура партии, называющей себя «коммунистической». И вообще – непозволительно СССР и другие соцстраны называть «социалистическими». Этот термин неизменно при обозначении стран дается в кавычках.

11 декабря 78 г.

Статья (верстка) в «Коммунисте» некоего И. Андреева к 100-летию «Анти-Дюринга» (подборка «Круглый стол» по истмату, «Коммунист» № 17). Еще лет пять назад за такие «вольности» отняли бы партбилет. Они сводятся к усиленному требованию «творческого подхода» ко всему, в том числе к истмату, который, мол, давно не развивается и что истмат

это не сумма застывших категорий… Да, и вообще, если почитать все, что у нас сейчас пишется по так называемым вопросам теории, то можно найти много подобных статей, литературно очень приличного уровня. Смысл их в отстаивании права (и даже обязательности это делать) на творческое развитие теории и всяких общественных наук. Но это лишь первый шаг (на который, впрочем, смотрят сквозь пальцы) из застывшего канона – от идеологической догматики к теоретическому освоению реальностей. Робкое разрешение заниматься теорией, а не кадить и кланяться верности «теории Маркса-Энгельса-Ленина». Посмотрим, что будет, когда это разрешение воспримут всерьез «младотурки» из университетов и прочих мест и в самом деле начнут развивать истмат.

Читаю и читаю книгу Ксавинова «Двадцать три ступени вниз» о Николае II. Подтекст все время чувствуется, иногда просто хохотать хочется…о том, как задолго до отречения сановники и думцы позволяли себе разговаривать с самодержцем. Например, когда не советовали ему принимать на себя верховное командование армией летом 1915 года. Никто и ни под каким видом ни по тону, ни по существу сейчас бы себе этого не позволил, скажем, по случаю присвоения нашему «самодержцу» маршала или награждения его орденом «Победы».

16 декабря 78 г.

В четверг неожиданно был вызван на Политбюро. Обсуждался вопрос о публикации статьи против книги «СССР и мы» и др.

Председательствовал Брежнев.

Первым вопросом шли итоги переговоров с Саддамом Хусейном – вторым человеком в Ираке. Но не в этом дело…

Главные мои впечатления:

- полная недееспособность Генерального, он часто не понимает, не ухватывает сути дела…;
- ясность мысли и владение материалом других стариков из Ареопага (Косыгин, Устинов, Суслов);
- просительный, но настойчивый и заинтересованный (не равнодушный) характер выступлений участников, которые подчас могут оказывать влияние на исход обсуждения, хотя по всем вопросам решение заранее подготовлены и «согласованы» с Генеральным;
- огромная и опасная роль помощников, особенно Александрова, который очень субъективен, категоричен, самоуверен, а теперь и зарвался в обстановке непререкаемости.

Брежнев, открывая каждый вопрос, зачитывает «свое» мнение по бумажке, подготовленной Александровым. Читает косноязычно, невнятно, - такое впечатление, что он сам не понимает смысла читаемого. Этим уже предопределяется решение. Однако, к счастью, не всегда. Потому, что потом начинается свободное, без бумажек (хотя и с ведомственным оттенком) обсуждение, ход которого Главный явно не улавливает, а потом (так было несколько раз) беспомощно спрашивает: «Так что же мы решаем?»… В такие моменты к нему подбегает Боголюбов (зам. Общего отдела, зам. Черненко) и подсовывает, по-видимому, уже сформулированный итог – «решение». Надо сказать, что Генеральный не настаивает на своем первоначальном мнении, изложенном по бумажке Александрова. Легко соглашается с итогом, который складывается из обсуждения. В этом – его природная мудрость. Но тем не менее. Ведь «возражают» только в крайнем случае, только, если бумажка Александрова далеко выходит за пределы разумного или возможного, или уж слишком бьет по «интересам» какого-нибудь большого ведомства.

Итак, Саддам Хусейн.

Из бумажки Александрова, к счастью, очень короткой, можно было понять, что Брежнев резко сказал о репрессиях против коммунистов. Но в ответ на «разъяснения» Хусейна ничего вроде не последовало. Подчеркнул заявление Хусейна: мол, какая бы обстановка ни сложилась, даже военная, мы (Ирак) всегда будем вместе с вами (СССР). (Что

это значит, правда, не очень ясно. По моему обычная восточная хитрость, чтоб побольше из нас вытянуть). И в целом: у Брежнева отношения с Ираком развиваются нормально.

Затем ясно и просто, с логикой и оценками, с нужными акцентами говорил Косыгин о своей встрече с Хусейном в Москве. Он, видно, по-настоящему врезал Хусейну за репрессии против коммунистов. А когда тот стал разъяснять, что мол, их гонят не за то, что они коммунисты, а за то, что они работают в армии, Косыгин ему твердо, по-коминтерновски, сказал: вы встретьтесь с КП, с руководством, а не через посредников – ведь у вас «патриотический» или какой там общий фронт, и договоритесь о порядке, и пусть каждый соблюдает. А если вы и впредь будете истязать людей, то мы на это равнодушно смотреть не будем. Учтите!

У Косыгина сложилось впечатление, что Хусейн не привез определенной программы просьб. И вопросы ставил не нажимисто, не так, как сирийцы: мол, если не дадите то-то и то-то, и тогда отношения между нами в целом встанут под сомнение…

Однако, согласившись в целом, что иракцы вели себя менее нахально, чем сирийцы, Устинов изложил подробности, которые очень характерны. Дайте, мол, нам новейшие танки Т-72 и не несколько, а 500 штук! «Старые» нам не нужны. Дайте нам ракету типа американской «Першинг» (земля-земля, на 800 км.). Нет у нас такой, - говорит Устинов Хусейну, у нас такая только атомная. Есть, - отвечают иракцы. А под простой заряд мы ее сами приспособим. Вот так, говорит, мы и препирались.

Или: дайте нам новейшую 8-ми дюймовую гаубицу. (И откуда знают, удивляется Устинов). Говорю, – нет у нас такой. Есть, - возражают иракцы. И т.д.

Его рассказ вызвал возмущение. Раздались голоса: надо с ними пожестче.

Однако, Громыко и Андропов призвали учесть при этом, что если вообще откажемся давать им что-либо, особенно сирийцам, они пойдут на разрыв. А «старье» они, действительно, брать не будут. Брежнев заметил по этому поводу: давать что-то нужно, но при этом подчеркивать, что «даем не для нападения». Я, мол, это и Хусейну сказал.

Любопытный спор развернулся между Косыгиным и Устиновым по другому вопросу – о подготовке строительных кадров в профтехшколах и училищах. Какие-то льготы предусматривались в проекте для того, чтобы притянуть молодежь в эту отрасль, столь сейчас необходимую - в том числе отсрочку на 2 года от военной службы по окончании. Против этого категорически выступил Устинов (в отличие от других, выступая он всегда встает и идет к столу председательствующего, приговаривая каждый раз: «чтоб слышно было»). При той демографической ситуации (рождения 1960-61 годов), кто тогда будет служить в армии, во внутренних войсках? - апеллирует он к Андропову. Косыгин спокойно, но твердо возражает: я не предлагаю ведь, чтоб совсем их освободить от службы, но если мы их сразу после учебы на 2-3 года отрываем от профессии, они ее фактически теряют, их потом заново учить приходится. Пусть 2 года поработают, а потом – в армию, можно в спецстроительные части и т.п.

Устинов: ну, а в эти вот 2 года, кто будет служить, кем мы будем заполнять контингент. Речь ведь не о увеличении, а о поддержании только на нынешнем уровне.

Косыгин: а кто будет работать? Кто будет выполнять планы? Кто будет строить в нечерноземной зоне, программы которой мы не выполняем именно потому, что нет людей на стройки?

Косыгина поддержал Соломенцев. Видно было, что многие сочувствуют ему. Новый секретарь Горбачев подбежал к Брежневу, что-то показывая ему в папке. Слышно было, что он произносит слова: «колхозстрой»…

Андропов встал на сторону Устинова.

Вмешался новый член ПБ Черненко. Мол, пусть Совет министров изыщет ресурсы для призыва в армию за счет «перераспределения». И тогда можно будет пойти навстречу.

Вот тут-то Брежнев вновь сказал (хотя по бумажке он уже прочел вначале, что проект важен и что его надо одобрить): «Так что же мы решаем?»

Решили вернуть проект Совмину на доработку.

Суслов и Кириленко во время всей этой бурной дискуссии не произнесли ни единого слова.

Наш вопрос – о книге «СССР и мы». Брежнев зачитывает, что мол, важно и хорошо, мол, подготовлено. Но опубликовать надо в журнале «Коммунист»…

[Я предвидел это. Зав. сектором Зуев предупредил меня, что накануне звонил ему Александров, очень хвалил статью, но заявил, что решительно будет настаивать на том, чтобы публиковать в «Коммунисте», а также и в «Новом времени». Первым моим движением было, когда я узнал об этом, - позвонить ему и изложить мотивы, по которым Б.Н. и Отдел выбрали все-таки «Новое время». Но тут же остановил себя – еще один скандальный с ним разговор, а результат будет тот же.

Между тем, Б.Н. с нами обсуждал эту проблему не раз. Мы прикидывали и так и эдак. Сами склонялись к «Коммунисту». Но остановились на «Новом времени» – и не только из-за легкости и «естественности» распространения во Франции и вообще за границей. Но, главным образом, по соображениям политическим. «Новое время» уже зарекомендовало себя как журнальчик, выступающий по «еврокоммунизму»… с авторскими статьями. Конечно, весь мир понимает, откуда ноги растут. Но все же: это не орган ЦК и то, что он пишет, то ли официальное мнение, то ли отсебятина, то ли это только предупредительная стрельба, за которую ЦК может и косвенно «извиниться».

Короче говоря, если потребуется, ЦК всегда может сманеврировать, чтоб воспользоваться любым случаем для улучшения отношения с партией, которую задело «Новое время». Так было с КП Испании, с Каррильо. Но, если орган ЦК долбанет такую партию, т.е. из орудий главного калибра – это, если и не разрыв, то во всяком случае такая акция, которую трудно потом обернуть в пользу «укрепления дружбы».

Так вот, Александров всех этих тонкостей либо не чувствует, либо ему на них начхать. Ему вот показалось, что «важнее» в «Коммунисте», он и написал это в бумажку].

Суслов, который вместе с Б.Н. подписывал записку по этому делу, т.е. вносил вопрос в ЦК, и который согласился с тем, чтоб публиковать в «Новом времени», думаю, впервые услышал «другое мнение».

Он не стал возражать. Думаю, что будь на Политбюро Пономарев (он – в Софии), то тоже бы полез поперек. Суслов вдруг привел аргументы, что надо одновременно – и в «Новом времени».

Много голосов сразу поддержали: да, да, да. И тут и там надо, чтоб не только руководство ФКП, но и другие им подобные прочли. Тут же и порешили. Брежнев согласился – во всяком случае дал знак, что с вопросом покончено, и Боголюбов тут же зачитал измененный проект. (В первоначальном, представленном Сусловым и Б.Н., было одно только «Новое время». Теперь впереди добавили «Коммунист»).

И тут – музыкальный момент, - Брежнев не дочитал еще бумажку, подготовленную Александровым, и когда шум утих и все уже решили, что вопрос решен и переходят к следующему, Брежнев вдруг продолжает: «Это не означает, что нельзя будет опубликовать этот же материал в журнале «Новое время»…

При почтительном молчании присутствующих. Но кто-то, не поняв, что происходит, произнес: мы ведь уже решили вроде бы…

Но это так… А вот, что Александров попортил нам всю тактику, это серьезно. Теперь французы окрысятся со страшной силой. И отношения опять пойдут резко вниз. Между тем, именно в последние недели появились признаки усиления сдержанности Марше и К^{о} в отношении нас: его беседа с Червоненко (небывалая по атмосфере за 3-4 года), его выступление в Витри 9 декабря на встрече ПБ ФКП с интеллигенцией.

Вот так-то.

Поеду во Внуково-2 встречать Пономарева из Софии.

1978 год. Послесловие.

Год не принес ничего нового. Продолжался завал экономики. С дистанции двух десятилетий еще большее удивление вызывает, что все – от райкомов, обкомов до ЦК и Совмина – это видели. Но никакого выхода – реального, который можно было бы назвать политикой, – никто не знал и не предлагал, даже ученые, привлекаемые для «анализа» ситуации и написания «верховных» речей. Это означало, что марксистско–ленинская теория (в ее сталинистском формате, а другого – со времен НЭП'а не было), на которой строилась и идеология, и хозяйственное управление, которая делала «легитимным» насилие над обществом, а в свое время даже питала «энтузиазм масс», – обанкротилась окончательно.

Нарастало нетерпение кадров среднего звена (обкомовских лидеров). Были там «сильные мужики», готовые «горы свернуть» хотя бы в рамках своей компетенции. Они апеллировали к здоровому смыслу, к знанию местных возможностей. Но «система» и идеология исключали реализацию их опыта и способностей.

На это наложилось совершенно выморочное состояние высшего руководства, принявшее в лице «главного» – Генсека и квази–президента – уродливо комический характер. Уже никакой не было политики, заслуживающей этого названия, – ни внешней, ни внутренней. Была охранительная возня андроповского ведомства с диссидентами и «исход» евреев, который использовали как разменную монету в отношениях с США. (Андропов превратил это занятие в карьерный путь для себя на самый верх). Было отбрехивание от еврокоммунистов, которые в этот год все чаще и открыто отказывались признавать за СССР звание «социалистической страны». Была инерция формального, «дипломатического» миролюбия, привязанная ко всем известной решимости Брежнева не допустить мировой войны (об этом больше – в предыдущем «томе»). А на его волю, пусть теперь уже скорее мифическую, посягать никто не мог. Как потом, при конце перестройки, выявилось, – прерогативы и официальный авторитет Генерального секретаря ЦК КПСС – последний редут советского строя. В КПСС, пусть не осознанно, убеждение в этом присутствовало всегда.

Маразм советского руководства впечатляюще продемонстрировал себя во время визита Брежнева в ФРГ. Описание этого спектакля – самая забавная и самая удручающая страничка в записях 1979 года.

Тем не менее (опять же с высоты сегодняшнего дня), в суматохе и часто нелепости случавшегося в ходе этого визита можно увидеть, как проклевываются признаки нормализации советско–русско–германских отношений. «Восточная политика», которую Шмидт и Брандт умно и деликатно навязывали Советскому Союзу, обнаруживала свою результативность. Наши же вожди, опять же инерционно, рассчитывая на торгово–экономические выгоды и закрывая глаза на последствия, шли ей навстречу (впрочем, – на благо обоих народов, Европы и мира).

«Том» изобилует международными контактами, впечатление от которых и само их содержание представляет интерес даже с точки зрения чисто человеческой – взаимопонимание перехлестывало идеологические табу и условности.

В томе немало зарисовок бытового и культурного плана. И вывод: базовое, массовое сознание все отчетливее отчуждалось от власти и существующих порядков. И все более явственно обозначался необратимый отрыв духовной жизни (литература, искусство, частная жизнь интеллигентной части общества) от идеологии и официально навязанного.

Факта дискредитации партийно–советской власти ни один честный и более или менее разумный человек не в состоянии был опровергнуть.